

ASJ

“ASJ”

№ (41) / 2020

Vol.1

Editor in Chief – Ivaschuk G. O., Doctor of Technical Sciences, Kiev Institute of Technology, Kiev, Ukraine

Assistant Editor – Stepanenko O.I., Doctor of Physical Sciences, Ternopol National Technical University, Ternopol, Ukraine

- Alfred Merphi - Doctor of Economics, University of Chicago, Chicago, United States
- Yen Lee - MD, wellness center «You Kang», Sanya, China
- Avital Gurvic - Doctor of Education, University of Haifa, Haifa, Israel
- George Perry - Doctor of Chemistry, Columbia College, New York, USA
- Isa Wright - Doctor of Sociology, Moraine Valley Community College, Chicago, USA
- Jessie Simmons - Doctor of Engineering Sciences, San Diego State University, San Diego, USA
- Nelson Flores - Doctor of Philology, Wheelock College, Boston, USA
- Andrey Chigrintsev - Doctor of Geographical Sciences, University of South Carolina, Columbia, United States
- Oleg Krivtsov - Doctor of History, National Museum of Natural History, Washington, USA
- Angelina Pavlovna Alushteva - Candidate of Technical Sciences, Institute of Computer Systems and Information Security (ICSiS), Krasnodar, Russian Federation
- Elena Dmitrevna Lapenko - Candidate of Law, Institute of Law, Volgograd, Russian Federation
- Aleksandr Ole - Doctor of Biological Chemistry, University of Stavanger, Stavanger, Norway
- Emily Wells - Doctor of Psychological Sciences, Coventry University, Coventry, England
- Leon Mendes - Doctor of Pharmaceutical Sciences, Universitat de Barcelona, Spain
- Martin Lenc - Doctor of Economics, Uni Köln, Germany
- Adel Barkova - Doctor of Political Sciences, Univerzita Karlova v Praze, Prague, Czech Republic
- Vidya Bhatt - Candidate of Medical Science, University of Delhi, New Delhi, India
- Agachi Lundzhil - Doctor of Law, The North-West University, Potchefstroom, South Africa
- Musaev Odil Rakhmatovich – prof. Department of Theory and Practice of Democratic State Building of the National University of Uzbekistan

Editor in Chief – Ivaschuk G. O., Doctor of Technical Sciences, Kiev Institute of Technology, Kiev, Ukraine

Assistant Editor – Stepanenko O.I., Doctor of Physical Sciences, Ternopol National Technical University, Ternopol, Ukraine

Alfred Merphi - Doctor of Economics, University of Chicago, Chicago, United States

Yen Lee - MD, wellness center «You Kang», Sanya, China

Avital Gurvic - Doctor of Education, University of Haifa, Haifa, Israel

George Perry - Doctor of Chemistry, Columbia College, New York, USA

Isa Wright - Doctor of Sociology, Moraine Valley Community College, Chicago, USA

Jessie Simmons - Doctor of Engineering Sciences, San Diego State University, San Diego, USA

Nelson Flores - Doctor of Philology, Wheelock College, Boston, USA

Andrey Chigrintsev - Doctor of Geographical Sciences, University of South Carolina, Columbia, United States

Oleg Krivtsov - Doctor of History, National Museum of Natural History, Washington, USA

Angelina Pavlovna Alushteva - Candidate of Technical Sciences, Institute of Computer Systems and Information Security (ICSiS), Krasnodar, Russian Federation

Elena Dmitrevna Lapenko - Candidate of Law, Institute of Law, Volgograd, Russian Federation

Aleksandr Ole - Doctor of Biological Chemistry, University of Stavanger, Stavanger, Norway

Emily Wells - Doctor of Psychological Sciences, Coventry University, Coventry, England

Leon Mendes - Doctor of Pharmaceutical Sciences, Universitat de Barcelona, Spain

Martin Lenc - Doctor of Economics, Uni Köln, Germany

Adel Barkova - Doctor of Political Sciences, Univerzita Karlova v Praze, Prague, Czech Republic

Vidya Bhatt - Candidate of Medical Science, University of Delhi, New Delhi, India

Agachi Lundzhil - Doctor of Law, The North-West University, Potchefstroom, South Africa

Musaev Odil Rakhmatovich – prof. Department of Theory and Practice of Democratic State Building of the National University of Uzbekistan

Layout man: Mark O'Donovan

Layout: Catherine Johnson

Consulting group "Education and Science"

Ukraine, Kiev, Peremogi, 56/1, office 115

Web-site: <https://american-issue.info>

E-mail: info@american-issue.com

Copies: 1000 copies.

Ukraine, Kiev, Peremogi, 56/1, office 115

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жакупов Ж.А., Абдикарим Н.

ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ
КАЗАХСКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСОВ:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СКАЗУЕМЫХ4

Тариева Л.У.

КОНСТАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ 11

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Shipovskaya L.P.

A DOLL AS A SPECIFIC FORM OF INTERACTION OF
PEOPLE IN THE PROCESS OF THEIR COGNITIVE
ACTIVITY19

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кравцевич С.В.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В ОПЛАТЕ ТРУДА
РАБОТНИКОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА25

Саакян А.А.

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
АПК КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ37

Курбатов В.А.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ30

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Alieva I. Zh., Bazarova G.S.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE RIGHT
TO HUMAN HEALTH41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 398.1
ГРНТИ 17.71.07

ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСОВ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СКАЗУЕМЫХ

Жакупов Ж.А.

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры казахского языкознания,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
010000, Нур-Султан, улица Кажымукана Мунайпасова 5*

Абдикарим Н.

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры казахского, русского и иностранных языков,
Карагандинский государственный индустриальный университет
101400, Темиртау, проспект Республики 30*

LINGUO-FOLKLORISTIC COMPARISON OF THE KAZAKH AND MONGOLIAN EPOSES: FUNCTIONING OF PREDICATES

Zhakupov Zh.A.

*Doctor of Philology,
Professor of the Department of Kazakh Linguistics
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Kazhymukan Munaitpasov street 5, Nur-Sultan, 010000*

Abdikarim N.

*Candidate of Philology,
Ass. Prof. of the Department of Kazakh, Russian and Foreign Languages,
Karaganda State Industrial University,
Republic avenue 30, Temirtau, 101400*

DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.41.27

Аннотация. В статье рассматриваются функционирование сказуемых в героических эпосах казахского и монгольского народов в линвофольклористическом плане, сопоставляются их качественные и общие характеристики. Анализируя выражение глагольных сказуемых в эпосе репрезентируется их текстообразующая функция. Хотя казахская и монгольская эпосы не сильно отличаются друг от друга в плане предикативности, установлено, что существуют стилистические, прагматические и экстралингвистические различия. На основе таких исследований не только осознается интертекстуальная связь языка фольклора на евразийском пространстве, но и акцентируется внимание на ряде вопросов, лежащих в основе современных междисциплинарных исследований.

Annotation. The article examines the functioning of the predicates in the heroic epics of the Kazakh and Mongolian peoples in the linvofolkloristic plan, their general and qualitative characteristics are compared. Analyzing the expression of verbal predicates in the epic, their text-forming function is epresented. Although the Kazakh and Mongolian epics do not differ much from each other in terms of predicativity, it has been established that there are stylistic, pragmatic and extralinguistic differences. On the basis of such studies, not only the intertextual connection of the language of folklore in the Eurasian space is realized, but also the attention is focused on a number of issues underlying modern interdisciplinary research.

Ключевые слова: героический эпос казахского и монгольских народов, предикативность, формы причастия и деепричастия, субъект, предикат, эпическое время, текстообразующий способ.

Key words: heroic epic of the Kazakh and Mongolian peoples, predicativeness, forms of participle and gerunds, subject, predicate, epic tense, text-forming method.

Введение. Фольклорное наследие любого народа – это шедевр, вызванный его историей и культурой, мировоззрением и бытием, образом жизни и идеалами. Свойство фольклорных произведений, впитывающее в себя самобытность, составляет ряд их элементов традиционной преемственности, углубление которого требует от исследователей определения природы традиционных типов и повторяющихся элементов

произведения, позволяющего грамматического изучения фольклорного языка. Сопоставление языка фольклора эпосов казахских и монгольских этносов предполагает сравнение вариантов текста, разновидностей текстов внутри жанра, самих жанров с целью раскрытия синтаксических единиц и их функционирование в самом тексте. Язык эпоса может рассматриваться и в трех аспектах предложения, но, чтобы проводить синтаксические

исследования в области компаративистики требуется в первую очередь описание его основных единиц и учета важнейших функций, сопоставления уровней словосочетания, предложения. Согласно мнению Л. Теньера, предложившего изучение отдельных фактов синтаксиса в структурном и функционально-ономасиологическом направлении, прежде всего, внутри самого языка и в постепенном увеличении количества языков, охватываемых в дальнейшем исследовании, имеет важное значение для синтаксиса алтайских языков, нуждающихся во всестороннем анализе. Поэтому, чтобы выявить синтаксическую ценность предложения эпоса, достаточно определить взаимосвязь между его составными частями. С этой позиции позволяем приступить к изучению синтаксических материалов героических эпосов казахского и монгольского народов.

Основная часть. В сравнительно-сопоставительном исследовании эпоса тюрко-монгольских народов следует отметить труды российских ученых во главе Г.М. Васильевича, А.А. Бурькина, Ю.П. Борисова и др. А.А. Бурькин отметил, что «Тюрко-монгольские или монголо-тюркские связи в области образцов эпического жанра и георических богатырских сказок – это тема, лежащая на поверхности, требующая внимания, актуальная и всегда обещающая позитивные результаты в области сравнения традиций, текстов, поэтики, эпического стихосложения и т.п.» [1, с. 72]. Ю.П.Борисов рассматривая якутский эпос «Могучий Эр Соготох», «Дырай Бэргэн» и алтайский эпос «Маадай-Кара», хакасский алыптых-ныхмах «Ай-Хуучин», бурятский «Аламж Мэргэн», поясняет, что «...произошли взаимопроникновения ритмико-синтаксического параллелизма (далее – РСР) из одного языка в другой, которые сохранились в синтаксических структурах рассматриваемых эпосов» [2, с. 20] и приходит к выводу, что эпические формулы образуются на основе «общеэпических параллелизмов». А эпическая формула зависит от факторов ритма, синтаксической схемы, лексического детерминанта. Наряду с этим «...героический эпос Центральной Азии и Южной Сибири, очень рано получивший художественное оформление и внутреннюю завершенность, оказывается в противоположность историческим жанрам чрезвычайно устойчивым по своему тематическому диапазону и организующим принципам» [3, с. 70]. Исследователь калмыцкого эпоса «Джангар» Н.Б. Пюрбеева отмечает: «Понятие «структуры» не означает отмены понятий содержания и формы, а подразумевает уточнение, конкретизацию и расшифровку этих понятий, применительно к эпосу» [4]. В этом плане синтаксическая система языка открывает большие перспективы исследованиям типологического характера. Эти отношения могут быть охарактеризованы

определенными грамматическими понятиями. И так, в эпическом жанре вышеупомянутых народов в качестве сказуемого неполных предложений, для создания иллюстраций и портрета, выступает прошедшая форма причастия. Например¹,

Казахский

Сол уақыт- алды-нан / Қара қасқа ат-ө мін-ген / Құйрық жал-ы-н шарт түй-ген / ... / Алды-нан шық-ты ер Қазан

DEM время ADV-ELA / Черный плешивый лошадь-ACC верховая езда-**PSP_PS** / /Xвост уздечка-POSS_3SG-ACC гривой завязи- **PSP_PS** /... /ADV-ABL выйти- PST_INDEF герой Казан-NOM.

‘В это время спереди / На черном коне белолобом / С завязанной гривой / ... / На встречу вышел молодец Казан’ [1: КБ, с. 38, строки 69 – 101]².

На примере 22 из 33 строк содержат причастия прошедшего времени, образованными с помощью суффиксов *-ган*, дальше оканчиваются словами (*азан, сазан, Қазан*), обеспечивающими аллитерацию. В монгольском былинном стихосложении так же встречаются два и более предложений, связанных интонационно с главными членами предложения – подлежащим или сказуемым. Подобные конструкции используются особенно при описании или прославлении героя эпоса, его скакуна или снаряжений:

Монгольский

Айхан тохой-ө нутаг-тай (1а) / Алаг уул түшлэг-тэй (2а) //...нутаг-тай (3а) // түшлэг-тэй (4а) // нутаг-тай (5а) // түшлэг-тэй (6а) аавө (7а) // ээж-тэй (8а) / Газар-тай гаца-ли-(а)н төр-сөн (9б) / Төр-сөөр (10в) / Төр шажн-ө-аа алда-лгүй (11-19г) Ээм-тэн-д дийлд-лгүй (20г) Эр-ийн эрдэм-ө төгс-сөн (21-32б) Эр-ийн сайн Ханхарангуй гэ-ж яв(а)-в л буюу гэ-нэ (33).

DIM локоть-SIM место-ATTR_MUN (1а) / Пестрый гора опора-COM (2а) //... место-ATTR_MUN (3а) // опора- ATTR_MUN (4а) // место- ATTR_MUN (5а) // опора- ATTR_MUN (6а) отец-ө; ATTR_MUN (7а) // мать- ATTR_MUN (8а) / Земля-ATTR_MUN боевать-RESP-ADV ACC төр-PCP_PS (9б) / родить-ADV (10в) / Власть религия-ө;ACC-POSS_3SG терять-ADV NEG (11-19г) Женщина-NUM_COLL-DAT поражаться-ADV NEG (20г) Мужчина-GEN ремесло-ө;ACC окончить-PSP_PS (21-32б) **Мужчина-GEN хороший Ханхарангуй-NOM говори-ADV ACC3 иди-PST_INDEF1 PART CNJ говори-PST_DEF (33).** [5, XX: 21].

‘На удивительной земле / С высочайшими горами // местностями // равнинами // местностями // горами // отцом // матерью / При рождении, воюя с землей / Как родился / Не поддаваясь вольному / Не порожаясь от женщин / Научившись мужскому ремеслу / Лучший из молодых / Жил да был Ханхарангуй’ [3: XX, с. 21].

На приведенном примере МГЭ из 33 строки, за исключением последнего основного предложения,

¹ См. приложение А, В

² См. приложение А, В

содержащие 20 членов-предложения по интонации и структуре связаны сочиненном виде (в казахской грамматике конструкций данного типа рассматривается как придаточная часть сложноподчиненного предложения – Авторы); в отрывке, ознакамливающим с Ханхарангуй батыром, в строках 1-8а – формы сказуемых выражены отыменным глаголом; в строках 9б; 21-32б – определительными причастными конструкциями (монг. *тогтсон* ‘тоқтаган’, *төрсөн* ‘туған’ и др.); 11-20г строки содержат аффиксы –*лгүй* (каз. –*сыз*, –*сіз*/ *жөк*), связанные со сказуемым «*явав л буюу гэнэ*» по способу соподчинения, и выполняют функцию обстоятельства образа действия; только один строк (10в) оформлено деепричастной формой, оно является единственной подчинительной связью по всей тираде. Следовательно, способы описания героев аналогичны, разница лишь в преобладающем количестве строк, имеющих характер простых предложений, монгольской былинной песни; то есть, если в казахских былинных песнях иллюстрируемая картина меняется часто от одной ко второй, то в монгольских – описывается достаточно долго.

Морфологический состав сказуемых в эпосах ограничен, преобладают глаголы, а именные или другие формы редко выступают в роли сказуемых, более часто употреблены только в описательных конструкциях. Например:

Казахский

Бұлаңда-ған Бурыл-дың / Маңдай-ы-нда манат-ө бар/ Құйры(ғ)-ы-нда құдық-ө бар / Марал іш-се, таусыл-мас.

Раскачаться-PSP_PS Бурыл-GEN / Лоб-POSS_3SG;его-LOC бархат-;ө есть/ Хвость-POSS_3SG;его-LOC колодец-ө;есть / Марал пей-COND, закончи-PASS-FUT_INDF_NEG

‘У раскачивающегося Бурыла / Есть бархат на лбу / Есть колодец на хвосту / С неиссякаемой водой’ [2: ОМБХ, с. 62]

Обратимся к еще одному изображению картины в казахском эпосе:

Казахский

Өз-і алты жас-ы-нда / Кәмишат-ө бөрк-і бас-ы-нда / Тобылғы-ө торы ат-ө асты-нда / Қаршыға-сы қол-ы-нда / Тазы-сы-ө ерт-кен соң-ы-нда...

Сам-POSS_3SG шесть лет-POSS_3SG-LOC / Бобр-ө;GEN борик-POSS_3SG голова- POSS_3SG-LOC / Спирия-ө;SIM_ADJ коричневый лошадь'его под- POSS_3SG-LOC / Ястреб'его рука-POSS_3SG-LOC / Тазы- POSS_3SG-ACC веди-PSP_PS после-POSS_3SG-ABL.

‘Самому всего 6 лет / На голове борик из бобра / Под собой конь масти тёмно-гнедой / Птица ястреб на руках / И тазы ведет за собой’ [2: ОМБХ, 70]

Выше приведенных примерах из КГЭ формы сказуемых, если это повествовательные произведения, можно передать на монгольский язык при помощи падежа өгөх-орших (датель-локатив), что показывает функциональную идентичность некоторых падежных форм; но

поэтический жанр этого не позволяет: монгольских эпосах в таких случаях употребляются суффиксы – *тай* прилагательных, либо глагольные формы причастия на *-сан*. при описании портрета героев в эпосе в неполных предложениях.

Кроме того в МГЭ преобладают неполные предложения, компоненты, которых располагаясь в разных строках, выражаются различными падежными формами, имея функцию образа действия.

Монгольский

Үүл-тэй тэнгэр-ийн доогуур / ... / Хангинатал дуул-аад/ ... / Жил-ийн газрыг сар-аар / ... / Өдр-ийн газр-ыг / Өвсн-ий сүүдр-ээр / Товчло-н яв-жс гэнэ.

Облако-ATTR_MUN небо-GEN под:ADV;INST / ... / Громко:IMIT-ADVV_SUCC пой-ADVV_ACC2 / ... / Год-GEN земля-ACC месяц-INST / ... / День-GEN земля-ACC/ Трав-GEN тень-INST / Сократи-ADVV_ACC1 иди-ADVV_ACC3 говори-PST_DEF.

‘Под облачным небом / ... / Поля, колокольчику подобно / ... / Расстояние, протяженностью в год, за месяцы / ... / Расстояние, в один день / В тени трав / Пришел, сокращая путь, говорят’ [3.; XX стр. 100].

Служебные имена в предыдущих двух строках и существительные, выраженные падежом үйлдэх тийн ялгал (инструментальный падеж), располагаясь в пределах предложения, выражают образ действия, подчеркнутых глаголов. Таким образом, в роли сказуемого могут выступать не только глаголы, но и существительные, и другие части речи. Однако в таких случаях казахское и монгольское стихосложение применяют различные способы смещения имен в конец предложения. Выше приведенных модальных слов казахского языка (*бар*) на монгольский язык можно перевести как *байна* ‘есть’, если отрицается – *үгүй* ‘нет’, но такой перевод не обеспечивает стилистической нормы языка монгольского эпоса; именно поэтому сказуемые монгольского языка передаются посредством суффиксов имен прилагательных – *тай*, *-тэй* (каз. –*лы*, *-лі* ...). Его можно увидеть и в следующем:

Монгольский

Алтай дүүрэн / Арван түмэн / Алаг бараан адуу-тай (A1) / ... / Айл зуураа уна-даг (Г1) / Хүлэг болонхой - нь (Б) / Шүр сайхан дэл-тэй (Д1) / ... / Есөн төө чих-тэй (Д15) / Наян хүлг-ийн шинж бүрдсэн (B1) Нарий-хан чун хүрэн морь-той (A4) / ... / Түмэн дүнчүүр албат-тай (A12) / ... / Өглөө үдш-ийн зоо-г бол-гон яв-даг (A13) / ... / Эр асан ч буюу гэнэ.

Алтай полен / десятки тысяч / Пестрый темный лошадь-ATTR_MUN; есть (A1) / ... / Аул между_INS верховая езда-USIT (Г1) / Скакун быть-POSS_3SG (Б) / Коралл_SIM-N хороший грива-ATTR_MUN;есть (Д1) / ... / Девять дюйм уши-ATTR_MUN;есть (Д15) / Восемьдесят скакун-GEN краса собрать-PCP_PS (B1) Тонкий-DIM пурпурно-красный лошадь-ATTR_MUN; есть (A4) / ... / Десятики тысяч народ-ATTR_MUN;есть (A12) / ... / Утро-вечер-GEN зоог-ө;ACC быть-PCP_PS

иди-USIT (A13) / ... / Герой быть;PASS-PST_DEF PART CNJ говори-PST_DEF.

‘Алтай полон / Десятками тысяч / Пестрых лошадей / ... / Ездил между аулами / Был скакун у него / С красивой гривой / У него ушей с размером девять дюйм / С красотой восьмидесяти скакунов / Есть у него тонкий сивый конь гнедой / ... / Многомиллионный народ / ... / Добывающий завтрак и ужин / Говорят вот таким был молодец’ [3: XX, 23].

В приведенном примере, отрывок поэмы содержит несколько определительных предложения A1, A2... A13, связанных между собой прямо или косвенно и использующихся для описания главного субъекта в последнем предложении «Эр (S) асан ч (байсан) (P) буюу гэнэ». Как видно из полученных данных, в монгольском языке сказуемые, образованные с помощью суффиксов прилагательных, употребляются чаще и дольше, чем в казахском; для описания казахских былинных песен часто применяются причастия прошедшего времени и различные падежные формы.

Структура поэтической фразы в эпосах казахского и монгольского народов очень динамична, этим и объясняется многочисленность употребления глагольных сказуемых, использующихся для изображения действий главного эпического героя. Как правило, все сказуемые связаны с одним и тем же подлежащим. Например (показан основной отрывок из казахского эпоса, где последовательность каждой строки обозначена цифрами):

0. Таң атқасын төрт көкжал /1. Қару-жарақ-ө ки-ін-**in** / 2. Бір құдай-ға сый-ын-**ын** / 3. Енді аты-на мін-**e-di** / 4. Дене-ге сауыт-ө ки-**e-di** / ... / 12. Ақсұңқар құс-тай шүйіл-**in** / ... / 21. Батыр Қоблан ақыр-**ды** /... / 34-58. Белес белес бел **e-di**...

0. На рассвете четверо молодцы /1. Оружие-**ө**;ACC одень-REFL-ADV_V_ACC2 / 2. Один бог-DIR молись-**ADV_V_ACC2** / 3. ADV лошадь-POSS_3SG-DIR сиди_верхом-**PST_DEF** / ... / 12. Кречет птица-SIM пикировать-**ADV_V_ACC2** / ... / 21. Богатырь Коблан крик-**PST_INDF** /... / 34-58 / Зиг заг;N_N холм быть-**PST_INDF**.

‘На рассвете четверо молодцы /Снарядившись полностью /Помолившись единственному богу / Уселись верхом / ... / Надел на тело кольчугу / ... / Спикировав подобно кречету / ... / Богатырь Коблан взревел / ... / Было не завершивая холма’ [1: КБ, с. 129 – 131].

Монг.

Э-рийн сайн (3)

Хан ха-ран-гуй хүү (5)

Ар-ван най-ман алд (5)

Ал-тан цол-быг (4)

Ан-гал-зах-ын цагт (5)

А-ман хү-зүү-гээр (5)

Ал-дал-гүй хая-хад (5)

Ог-тор-гуйн од тоо-лон зүт-гэ-жээ (9)

.....

Зан-дан у-лаан хэ-лээ-рээ өл-гөн нэ-гэн үм-хэв (13) [3:

XX, 158]

Приведем пример из предложений, перечисляющих славу и мужество монгольского батыра Улаанхонгора (аналогично казахскому эпосу):

1. Түймэрд-сэн яс-ы –нь хайра(х)-гд-аад / Хайра(х)-гд-сан яс-ө-аа / 2. Хав(а)р-ын хонгор салхин-д хийсг(э)-ээд / 3-6 / 7. Үхэр шини-ээд ир-(э)-хэд / 8. Яс үгүй хийг-ээд / 9-11 / 12. Хоног-ийн дотор хоосон / 13. Хийг-ээд ха(й)я-в гэн-нэ.

1. Обжечь-PCP_PS кость-ACC POSS_3SG жарить-PASS-ADV_V_ACC2 / Жарить-PASS-PCP_PS кость-ө;ACC-POSS_SG / 2. Весна-GEN теплый ветер-LOC вея-DVV_ACC2 / 3-6 / 7. Корова нюхай-ADV_V_ACC2 идти INF-LOC / 8. Кость нет делать-ADV_V_ACC2 / 9-11 / 12. Сутка-GEN течение POST пустой / 13. Делать-ADV_V_ACC2 оставь-PST_INDF1 говори-PST_DEF.

‘Обжигаясь сгоревшая кость / Обоженную кость / Развевало весенним ветром / ... / Когда корова пришла обнюхивать / Оставляя без костей / Когда лиса пришла обнюхивать / Оставляя без костей / ... / В течение одного дня / Говорят, оставили без ничего’ [3: XX, с. 147]

Из данного примера следует, что форм глагольных сказуемых подчиняется определенной закономерности и служит для передачи динамики и характера взаимосвязанных действий, отраженных в песне: в казахских эпосах действия событий начинаются формами деепричастного детерминанта образа и способа действия на –*ын* (-*in*, -*n*) и продолжают сказуемыми прошедшего переходного времени на *ады* (-*edi*), напряженность песни передается формами прошедшего времени – *ды* (-*di*) (иногда деепричастиями). Наряду с этим, в казахских песнях количество слогов в каждой строке обычно составляет 7-8 слогов, в монгольских – достигает 3-13; при этом, если в казахском языке ударение падает на последний слог, то в монгольском – на начальный слог, а также наличие у последнего долгих звуков не может не оказать влияния на фонологическую систему просодии. Это способствует последовательной связи предложений и упорядочению их объема (количества), а цепочка (предложений) продолжит развиваться до тех пор, пока не станет в той форме времени (PST_INDF, PST_DEF), обозначающей завершенность действия. Например (в скобках указаны количество слогов и сравнено с вышеприведенным КГЭ «Кобыланды батыр»):

Рус.

‘Лучший из молодцов

Дитя Ханхарангуй

Длиною в двенадцать кулашей (размах рук)

Золотой чембур

В момент, когда разинул рот

Прямо на гривную шею

Не ошибаясь, кинув

Устремился звезды мира считать

Красным языком зацепив раз откусил’

Еще одно обстоятельство, присущее героическим эпосам – стремление к соизмеримости и симметричности форм подлежащего и сказуемого, классический способ связи стихотворной песни предполагает относительную самостоятельность каждого предложения, основывающейся на самостоятельном сочетании подлежащего и сказуемого на протяжении всей художественной целостности. Однако, если в казахских эпосах симметрия образуется различными формами, выражающими некую завершенность мысли, то в монгольском языке, как видно из примеров, под влиянием деепричастной формы *-аад* строки могут продолжаться до завершения эпизода. То есть, казахское стихосложение имеет относительную свободу, позволяющую прерываться и переходить из одной формы сказуемого в другую. Следует отметить один теоретический момент что «... в песнях условности ритма, инверсии и созвучия отошли на второй план, а однородные сказуемые, составляющие цепь синонимичных предложений, перешли в устойчивую модельную форму, «податливую» к дальнейшему присоединению аналогичных предложений [5, с. 23]. Преобладание глагольных сказуемых в былинных песнях связано со спецификой жанра, особой динамичностью: содержание стихотворения посвящено герою, не знающему спокойствия. Это естественное явление,

Құланның **атты** қодықты,
 Көлден **тартты** борықты,
 Жетемін деп **торықты**,
 Намаздыгер өткенде,
 Намаз ақшам жеткенде,
 Қазанның Сырлы қаласын
 Қобыланды батыр **көреді**.
 Бес ағаштың түбінде
 Қазанның алған жылқыға
 Ағыны қатты Бурылмен
 Аңқытып келіп **жолықты**.

[2, Т. 38: КБ, с. 64]

В одиннадцати строках, связанных только с одним скрытым субъектом, использованы 5 простых глагольных сказуемых, описывающих

Саглагар сайхан зандан модны
 Сүүдэрт **зогсоод**
 Сайхан мөнгөн хазаарыг
 Гурван үе **жингэнүүлээд**
 Гурван үе **хангинуулаад**
Сажаад (сэгсрээд) авахуйд
 Эргэл түргэл хазаараа сэгсрэх чимээг
 Хангайн чинээ биетэй
 Хар ташаа
 Хангал хар хээр морь
 Алдалгүй мэдээд... [3: ХХ, с. 163]

В монгольской былинной песне, вплетенной в двенадцать строк тоже есть пять сказуемых, четыре из которых, несмотря на то, что выражают действия скрытого субъекта, употреблены в неустойчивой

ибо глагол представляет собой движение, действие. Наряду с этим, проявляется одна синтаксическая функция глагола, указываемая А. М. Пешковским: «... это способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов, и предложений, словом, создавать то, что Потебня называл синтаксической перспективой» [6, с. 111]. Именно благодаря этому, глагольные сказуемые находятся в центре эпического повествования как одно из основных средств изображения. В героическом эпосе формы глаголов, образующие сказуемые, не только называют действия, но и иллюстрируют и описывают их. Исполнители эпических песен стремятся изобразить каждое действие, характеризующее героя (батыра), показательно, весомо. Хороший способ добиться такого этого эффекта в русской эпической поэзии, по словам З.К. Тарланова, это – применение глагольного действия, усиление семантики процесса, исключение действия из четко ограниченных пределов и показать внутреннюю историю. Для этого очень точно подходит несовершенный вид глагола [7, с. 61]. А в казахских эпосах такой эффект достигается при помощи прошедшего переходного времени глагола.

Из структурных типов глагольных сказуемых, в эпосах сопоставляемых народов преобладают простые глагольные сказуемые. Например,

‘Из куланов **выстрелил** жеребенка,
 Из озера **вытянул** корневище тростника,
Отчаялся, добратся желая,
 Когда солнце к закату склонилось,
 И подошло вечерней молитвы, время
 Город Сырлы Казана
 Кобланды богатырь **увидел**.
 Под пятью деревьями
 С конем взятым Казаном
 На Бурыле скакав
 Стремительным ходом (с ветерком)
Встретился

действия героя в данном отрывке. Приведем примеры из МГЭ:

‘Свисающего сандалового дерева
 в тени **стоя**
 Красивой серебряной уздой
 Три раза **звеня**
 Три раза **шелестя** как **встрянул**
 Узды Эргэл Тургэля звенящий звук
 Словно гора крупный
 Черный порочный
 Черный норовистый конь
 Сразу **опознав...**’

форме, так же и отношение коня к приезду батыра (опознал) с точки зрения содержательности и результативности данного отрезка, представляющего законченную, цельную мысль,

так же выражено неустойчивой формой, требующей после себя продолжения действия. Кроме того, в казахском эпосе в двух предыдущих строках наблюдается инверсия сказуемого, в монгольской – такого явления нет. Во всех этих ситуациях есть одно общее явление – в эпосах двух народов компоненты сказуемого встречаются как в одной строке, так и в двух, если имеются повторяющиеся части – в трех строках. С учетом синтаксической числовой и содержательной-объемной части данной проблемы можно заметить формулу композиционного текстообразующего блока казахского и монгольского эпосов.

Заключение. И казахские, и монгольские героические народные поэмы построены астрофическими стихосложениями. Непрерывность и компактность астрофики в казахских поэмах отличается тем, что в них явно выражается завершение одной мысли и переход к следующей, а в монгольских это представлено различными деепричастными формами, тем самым обеспечивается незавершенность мысли и дальнейшее её прогрессирование, поскольку возникает зависимость субъекта от сказуемого в значении времени, цели и т. д. Если в казахских эпосах главные члены предложения взаимозависимые, т.е. представляется завершенность описания одной мысли короче, чем в монгольской тираде, то в монгольском, благодаря хорошо развитой системе деепричастия, действия героев воспеваются или описываются достаточно долго, и могут быть продолжены до тех пор, пока не достигнут «завершенной формы».

Сказуемому в казахском эпосе характерна высокая степень использования форм прошедшего переходного времени, выражающих долготу действий, а в монгольском – преобладает применение деепричастных форм, выражающих незавершенность, продолжительность действий. В монгольских эпосах причастные и деепричастные формы прошедшего времени неполных предложений, связанные способом соподчинения, при описании завершенности действия, образуют форму только прошедшего времени, т.е. не отходит от понимания эпического времени.

В казахских и монгольских былинных песнях встречается как глагольная, так и составная форма сложного сказуемого, но их количество все же меньше, чем простое сказуемое. Причина также кроется в жанрово-лингвистических особенностях героической былинной песни, также в темпоральности героических былинных песен, где отражен быстрый характер действий.

В результате поморфемного глоссирования наблюдается, что в морфологическом плане с

исключением корня слов и фразеологизмов можно установить идентично формальное соответствие всего текста; но ясно, что в стилистическом плане это невозможно, хотя в будущем можно выявлять стилистическую или прагматическую картину реализации эпического текста данных языков.

Литература

1. Бурькин А.А. О некоторых формулах, встречающихся в образцах фольклора тунгусских, тюркских и монгольских народов // Вестник СВФУ. 2019. № 1. С. 70-80. [Burykin A.A. O nekotoryh formulah, vstrechajushhihsja v obrazcah fol'klora tungusskih, tjurkskih i mongol'skih narodov // Vestnik SVFU. 2019. № 1. S. 70-80. (In Russ).]
2. Борисов Ю.П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект. Автореф. ... канд. филол. наук. 2016. [Borisov Ju.P. Ritmiko-sintaksicheskij parallelizm v jakutskom olonho i tjurko-mongol'skih jeposah: sravnitel'nyj aspekt. Avtoref. ... kand.filol.nauk. 2016. (In Russ).] URL: <https://www.dissercat.com/content/ritmiko-sintaksicheskii-parallelizm-v-yakutskom-olonkho-i-tjurko-mongolskikh-eposakh-sravnit>
3. Неклюдов С.Ю. Закономерности стадияльной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // Mongolica. Памяти академика Б.Я. Владимирцова. 1986. С. 66 – 78. [Nekljudov S.Ju. Zakonomernosti stadial'noj jevoljucii jeposa Central'noj Azii i Juzhnoj Sibiri // Mongolica. Pamjati akademika B.Ja. Vladimircova. 1986. S. 66 – 78. (In Russ).]
4. Пюрбеева Н.Б. Поэтика героического эпоса «Джангар». Автореф. ... докт. филол. наук. 2003. [Pjurbeeva N.B. Pojetika geroicheskogo jeposa «Dzhangar». Avtoref. ... dokt. filol. nauk. 2003. (In Russ).] URL: <http://cheloveknauka.com/poetika-geroicheskogo-eposa-dzhangar>
5. Өмірәлиев Қ. Көне түркі әдеби ескерткіштері туралы зерттеулер. – Алматы: Арыс; 2010. [Ömiráliev Q. Kóne túrki ádebi eskertkishteri túraly zertteýler. Almaty: Arys; 2010. (In Kazakh).]
6. Пешковский А.М. Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. М. Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. [Peshkovskij A.M. Glagol'nost' kak vyrazitel'noe sredstvo // Peshkovskij A. M. Izbrannye trudy / podgot. k pech., vstup. st. i komment. I. A. Vasilenko i I. R. Palej. — M.: Uchpedgiz, 1959. (In Russ).]
7. Тарланов З.К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: ПетрГУ; 1981. [Tarlanov Z.K. Sravnitel'nyj sintaksis zhanrov russkogo fol'klora. Uchebnoe posobie po spekursu. – Petrozavodsk: PetrGU; 1981. (In Russ).]

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Примечание. Для наблюдения над функционированием морфологических единиц в составе предложения казахского и монгольских эпосов сделано глоссирование поморфемного соответствия согласно правилу №2 Лейпцигской системы. Из-за неразработанности унифицированной системы глоссирования, казахскими или монгольскими лингвистами для обозначения условных сокращений структурных элементов исследования была использована Лейпцигская система правил глоссирования и базирующаяся на ней система якутского языка, предложенная Г.Г. Торотаевым, а также тегирование морфологического анализатора татарского языков:

<https://ru.wikipedia.org/wiki>

https://www.researchgate.net/publication/331168853_Linguistic_Annotation_of_Grammatical_Categories_of_Sakha_Nouns

http://tatmorphan.pythonanywhere.com/morphan_tags

Источники для анализа и порядок их использования. В каждом приведенном примере упоминаются нижеперечисленные источники по порядковому номеру и названию эпосов в виде аббревиатуры, дается ссылка на страницу иногда на конкретные строки. Чтобы примеры не занимали много места в статье в скобках были показаны только номера строк или пропущены некоторые РСР.

Материалом исследования служили следующие источники:

1. Батырлар жыры. /Сост. Дуйсенбайулы Е. Алматы, 2009.
2. Бабалар сөзі: 100 томник казахского фольклора. Алматы, 2014.
3. Эрийн сайн Хан харангуй. /Сост. Баясгалан Т. Уланбатор, 2016.
4. Баяд ардын тууль. /Сост. Катуу Б. Уланбатор, 2012.
5. Батырлар жыры, 5 том. / Ред. Дуйсенбайулы Е. Алматы, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Сокращения

Глоссы

1SG, 2SG – личное окончание I лица, личное окончание II лица

PL – множественное число

ABL – аблатив (исходный падеж)

ADV – наречие

ADJ – имя прилагательное

ACC – аккузатив

ADVV_ACC – деепричастие (каз. на 1. -а, 2. -ып, монг. 1. -н, 2. -аад, 3. -ж)

ADVV_SUCC – деепричастие (монг. -тал)

ATTR_MUN – атрибутив-мунитатив (каз. на -лы; монг. -тай)

CAUS – каузатив

CNJ – союз

COM – совместный падеж

COND – условное наклонение

DAT – дательный падеж

DEM – указательное местоимение

DIM – уменьшительная форма

DIR – направительный падеж

FUT_INDF_NEG – отрицательная форма неопределенного будущего времени

HOR_SG – императив-гортатив

I лица в единственном числе

GEN – родительный падеж

IMIT – звукоподражательные слова

INTRJ – междометие

INST – орудийный падеж

LOC – местный падеж

NOM – именительный падеж

NUM_COLL – collective numeral собирательное числительное

PART – частица

PASS – страдательный залог

PCP_PS – причастие прошедшего времени (каз. на -ған, монг. -сан)

PST_DEF – прошедшее время (каз. на -ады, монг. -нэ)

PST_INDF – результативное прошедшее время (каз. на -ды; монг. 1. -в, 2. -лаа, 3. -жээ)

POSS_SG – безличное притяжение в монг. языке

POSS_2SG – принадлежность 2 лицу единственного числа

POSS_3SG – принадлежность 2 лицу единственного числа

POSS_3PL – принадлежность 2 лицу множественного числа

POST – послелог

REFL – возвратный залог

RESP – взаимно-совместный залог

SIM – форма, выражающая значение уподобления

USIT – форма, выражающая значение регулярно совершаемого действия, которое характеризует субъекта (монг. -даг)

Общие

БС – «Бабалар сөзі».

КБ – «Кобыланды батыр»

КГЭ – казахский героический эпос

КК – «Карасай Казы»

РСР – ритмико-синтаксические параллели

ХХ – «Хан Харангуй»

ЭТ – «Эргил Тургэл»

всп.гл. – вспомогательный глагол

МГЭ – монгольский героический эпос
ОМБХ – «Орак билэн Мамай батыр хикаясы»

каз. – казахский
МОНГ. – монгольский
наст. вр. – настоящее время

КОНСТАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

Тариева Лилия Увайсовна
Ингушский госуниверситет (ИнГУ),
доктор филологических наук
профессор, доцент кафедры русского языка

TarievaLiliyaUvaysovna
Ingush State University,
senior lecturer of the Russian language
тел.: 8 9380104416
DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.41.25

Аннотация. В статье обозначаются принципиальные положения функционирования эргативных языков, которые в корне отличают их от языков номинативной стратегии. Одним из таких доминантных признаков является парадигма лица, выявленная на материале нахского ингушского языка в ряде работ последних лет автора статьи. Лица парадигмы коррелируют с грамматическими знаками – тремя личными местоимениями первого лица единственного числа. Эгоцентрические составляющие парадигмы как глубинная семантическая категория соотносятся с антропоцентрическими знаками, исследованными в ряде работ автора статьи в качестве глубинной понятийной категории.

Annotation. The article denotes the basic principles of the functioning of the ergative languages which fundamentally distinguish them from the languages of the nominative strategy. One of these dominant features is the paradigm of the face, revealed on the material of the Nakh Ingush language in a number of works of the author of the article in recent years. Faces of the paradigm correlates with three personal pronouns of the first person singular. Egocentric components of the paradigm as a deep components correlate with anthropocentric signs, studied in a number of works of the author of the article as a deep conceptual category.

Ключевые слова: речевые лица, аффективные лица, эргатив, номинатив, аффектив, эгоцентрический, антропоцентрический.

Key words: vocal persons, affective persons, ergative, nominative, affective, egocentric, anthropocentric.

Исследователи эргативных языков и типологии предложения (А.М. Дирр, А.С. Чикобава, Г.А. Климов, А.Е. Кибрик, М.Е. Алексеев, Я.Г. Тестелец и др.), работавшие в рамках структурной (или генеративной) лингвистики, одним из основных критериев отграничения эргативных языков от номинативных считали богатство их именной морфологии.

Богатство именной морфологии языков эргативной стратегии с грамматической точки зрения отражается в падежной системе, например, нахского ингушского языка тремя ядерными падежами имени (номинативный *со* 'я'; эргативный *аз* 'я'; аффективный *сона* 'я'). На синтаксическом уровне три «номинативных» падежа эргативного языка реализуются в неоднозначной субъектно-объектной распределенности лиц в составе предложения, выдвигаемого в качестве базового. Понятие базового предложения в языках номинативного строя в корне отлично от понятия ядерного предложения эргативных языков.

А.Е. Кибрик, долгое время исследовавший эргативные языки, в качестве дифференциальных указывал на константные признаки языков различных стратегий [4]. Г.А. Климов называл стабильные признаки грамматически неродственных языков доминантными [5]. М.Е. Алексеев, исследовавший аффективную конструкцию предложения [1], вслед за Дирром, обозначал ее как знаковый признак эргативности.

Поиск доминантных свойств, различающих генетически неродственные языки, долгое время проводился в русле структурной лингвистики, или семиотического структурализма, который был ведущей научной парадигмой вплоть до конца XX века.

Блок знаний, методов, способов разрешения актуальных вопросов, выработанный в рамках структурной лингвистики, актуальной в прошлом столетии, не привел к разрешению такой знаковой проблемы как понятийное (семантическое) объяснение эргативности.

Синхронно дескриптивный структурализм начал уступать место антропоцентрическому аспекту исследования языковых стратегий, сориентированному на выявление человеческого фактора в языке, направленному на поиск человека в языке и «языка в человеке, т.е. «какой язык, такой и дух» [2; 13, с. 295-300].

Парадигмальная методология Т. Куна [6], примененная к описанию эргативных языков, на наш взгляд, способствует обнаружению семантической доминанты эргативности, состоящей из блока устойчивых признаков.

К константным признакам ингушского языка (и других эргативных языков), на наш взгляд, относятся:

1) **рефлексивный режим** интерпретации канонической речевой ситуации, вскрывающий парадигму из четырех эгоцентрических лиц,

расслоено (или шифтерно) представляющих категорию лица в эргативных языках [13, с. 5-7, 86, 98, 344];

2) **парадигма лица**, как семантическая категория, состоит из четырех эгоцентрических компонентов: лица Созерцающего, вскрывающего лицо Говорящее и лица Слышащего, обнаруживающего лицо Произносящее, функционирующих на различных уровнях структуры эргативного языка [12; 13, с. 340];

3) **два локутора**, т.е. два ответственных за высказывание речевых лица, размещенных в двух различных диахронически первичных лингвопрагматических ситуациях, противопоставленных локутору номинативных языков [10; 13, с. 339-340], располагающемуся в центре одной прототипической прагматической ситуации, как точке отсчета;

4) **два субъекта модуса**, т.е. два аффективных компонента, претендующих на статус первого лица (эгоцентрическое лицо Созерцающее, кореферентное Наблюдателю номинативных языков, и эгоцентрическое лицо Слышащее, индифферентное номинативным языкам в этой области знания) [12; 13, с. 15-16, 91, 122, 128];

5) **два фрейма интенциональности** аффективных лиц, в финали вскрывающих функцию речевых лиц [15; 16];

6) **четыре эгоцентрические функции лица** (две речевые и две аффективные), функционирующие в качестве лексического значения трех ядерных падежей имени [13, с. 289-290];

7) **понятийная категория постулированности-приобретенности**, являющаяся базовой для эргативного языка [13, с. 62, 193-196];

8) **две лингвопрагматические установки** (классическая: *Со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' и эргативная: *Укх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь') [10; 13, с. 74, 80], противопоставленные одной установке как точке отсчета номинативных языков (например, рус. *Я здесь сейчас*), достаточно хорошо изученной Дж. Лайонзем и Е.В. Падучевой [7; 9];

9) **бинарность первой лингвопрагматической установки** эргативных языков. Классическая, или номинативная прагматическая ситуация ингушского языка, в центре которой располагается эгоцентрическое лицо (маскулинно) Говорящее: *Со в а хланз* 'Я мужчина в пространстве теперь', противопоставлена в эргативном нахском языке прагматической установке, в которой закодировано лицо (фемининно) Говорящее: *Со й а хланз* 'Я женщина в пространстве теперь' [12; 13, с. 68, 75-76; 17];

10) **гендерные отношения** маскулинности / фемининности, прототипически вскрываемые в пределах первой прагматической установки не на основе биологического понимания пола, а на

основе акустического различия функции лица Произносящего [17, с. 397].

11) **полифункциональность речевого эгоцентрика** лица Произносящего, квалифицированного нами в качестве индифферентного номинативным языкам Актора, запускающего механизм функций антропоцентриков постулированной семантики [11], на поверхностном морфосинтаксическом уровне функционирующего в качестве эргатива, на глубинном – в качестве *саххета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа.

12) **три ядерных падежа** имени, выполняющие функцию подлежащего в составе предложения [13, с. 134-136, 300];

13) **три базовые структуры предложения**, обеспечивающие акт коммуникации в эргативном языке [13, с. 140];

14) **три антропоцентрика** (три *саг* 'homo'), как понятийная категория, отражающиеся морфосинтаксически в языковых знаках на поверхностном уровне [13, с. 289, 321, 327].

Парадигма лица как доминантный признак эргативных языков состоит из четырех эгоцентрических лиц, расслоено представленных: двух речевых (Говорящего, Произносящего) лиц и стоящих за их кадром двух аффективных (Созерцающего, Слышащего) лиц:

1) *Со (NOM) лув* 'Я говорю', т.е. артикулирую (чеч. *Со (NOM) лю*; бацб. *Со (NOM) лев*) и

2) *Аз (ERG) оал* 'Я произношу', т.е. акустически наполняя речение (чеч. *Ас (ERG) олу*; бацб. *Аса (ERG) альа*);

3) *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув* 'Я вижу, что я говорю' (чеч. *Суна (AFF) го, со (NOM) лю*; бацб. *Сон (AFF) даго, со (NOM) лев*) и

4) *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* 'Я слышу, что я произношу' (чеч. *Суна (AFF) хез, ас (ERG) олу*; бацб. *Сон (AFF) хацI, аса (ERG) альа*).

Обнаружение и ввод в общую теорию языковой личности компонентов парадигмы лица, свойственной языкам эргативного строя, вскрыл ряд проблем, знаковой из которых, на наш взгляд, является определение глубинных уровней. Антропоцентрический аспект представления компонентов парадигмы лица интерпретируется нами как глубинный **понятийный уровень**, кумулирующий в мышлении носителя эргативного языка нескольких *саг* 'homo', т.е. антропоцентриков постулированной семантики кряду (*хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека воспринимающего, *ххета саг* 'homo sapiens', т.е. человека разумеющего, *саххета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа: букв. *саххета саг* 'душойпроникающий человек'). На основе этих трех функций *саг* 'homo' постулированной семантики возникают антропоцентрики приобретенной семантики: *хов саг* 'homo sciens', т.е. человек знающий и *хета саг* 'homo presentans', т.е. человек представляющий [13, с. 269-275, 289, 294-297, 327].

**Понятийная категория:
антропоцентрики (*саг 'homo')* постулированной
семантики**

<i>Кхета саг 'homo sapiens'</i> , т.е. человек разумный	<i>Сакхета саг 'homo spiritus'</i> , т.е. человек -дух	<i>Хоалу саг 'homo sentiens'</i> , т.е. человек воспринимающий
---	--	--

Функция, введенных в обиход типологического исследования антропоцентриков (*саг 'homo'*), обнаруживается в акциональности, агентивности и волюнтаривности четырех эгоцентрических компонентов парадигмы лица, определенных нами в качестве категории **семантического уровня**.

Статус глубинного семантического уровня компонентам парадигмы лица нахского языка

**Семантическая категория:
эгоцентрики *йовхьамаш 'лица'***

Речевые лица	лица	Аффективные лица
Лицо Говорящее как категориальное значение местоимения 1 лица ед.ч.	Лицо Произносящее как категориальное значение второго местоимения 1 лица ед.ч.	Лицо Созерцающее (и / или лицо Слышащее) как категориальное значение третьего местоимения 1 лица ед.ч.

Понятийная категория не может быть представлена языковым знаком, если она не апробирована на семантическом уровне языка. Семантическое представление языковых единиц (трех личных местоимений первого лица ед.ч.) – это тот мостик, который связывает антропоцентрический знак (трех *саг 'homo'*) с лингвоцентрическим (тремя первыми падежами: *со 'я'* (NOM), *аз 'я'* (ERG), *сона 'я'* (AFF)).

Эгоцентрическое лицо Говорящее как пропозитивная информация отражается в лексическом значении личного местоимения первого лица единственного числа в номинативной форме имени (*со 'я'*). Лицо Произносящее откладывается в лексическом значении личного местоимения первого лица единственного числа эргативной формы имени (*аз 'я'*) [13, с. 303]. Эгоцентрики: лицо Созерцающее и лицо Слышащее представляются на грамматическом уровне в качестве личного местоимения первого

Со 'Я' – лицо Говорящее

Аз 'Я' – лицо Произносящее

Сона 'Я' – лицо Созерцающее (и / или Слышащее)

а) морфологический ярус демонстрирует три Номинативный (*со 'я'*),

Эргативный (*аз 'я'*),

Аффективный (*сона 'я'*),

указывающие на богатство именной морфологии нахского ингушского языка;

б) соответственно морфологическому показателю: трем ядерным падежам имени,

придает способность четырех эгоцентриков (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего) выступать в роли категориального значения местоименных существительных первого лица единственного числа [13, с. 33, 139, 144], коих в эргативном ингушском языке три (*со 'я'*, *аз 'я'*, *сона 'я'*):

лица единственного числа в аффективной форме имени (*сона 'я'*), так как на глубинном уровне представляют одного антропоцентрика (*хоалу саг 'homo sentiens'*, т.е. человека воспринимающего), функционируя в качестве его операторов [13, с. 141-142].

Два глубинных уровня, первый из которых (понятийный) обнаруживает антропоцентриков, а второй (семантический) кумулирует эгоцентриков, лингвоцентрически связаны с тремя личными местоимениями первого лица единственного числа (*со 'я'*, *аз 'я'*, *сона 'я'*), представляющими **поверхностный языковой уровень эргативного языка**.

Лексический уровень (словарь эргативного языка содержит три местоимения первого лица единственного числа, обладающих лексическим значением в зависимости от релевантной эгоцентрической функции лица):

представленным тремя личными местоимениями первого лица единственного числа, синтаксический уровень эргативного языка располагает тремя базовыми предложениями:

Номинативное предложение:

Со (NOM) дика кхет таржамах 'Я хорошо понимаю перевод'.

Эргативное предложение:

Аз (ERG) дика язду 'Я хорошо пишу'.

Аффективное предложение:

Сона (AFF) хьо гу 'Я тебя вижу'; Сона (AFF) или хоз 'Я слышу песню'.

Лицо Говорящее «Со 'Я'», отражающееся на всех уровнях структуры языка, типично для языков различных стратегий. В номинативных и

эргативных языках лицо Говорящее представлено номинативной формой имени (пример 1).

В эргативном ингушском языке лицу

Говорящему противопоставлено полифункциональное лицо Произносящее [10, с. 98; 11; 13, с. 197-218, 204, 295-299, 302, 338], выступающее главным действующим лицом (пример 2) в эргативном языке и мире, совмещено с лицом Говорящим.

Исследователи эргативных языков: Е.А. Кирик, Г.А. Климов, Я.Г. Тестелец, М.Е. Алексеев вслед за А.М. Дирром выделяют три основных модели предложения (номинативную, эргативную, аффективную) [3; 1; 4-5; 19], сильно зависящие в нахском языке от функции трех лиц парадигмы постулированной семантики. А.С. Чикобава также выделял в иберийско-кавказских языках в первую очередь номинативную, эргативную и дативную конструкции [21, с. 214]. Генеративная грамматика эргативных языков учитывает и единицы приобретенной семантики: локативные и посессивные конструкции, возникающие на основе функции лиц парадигмы постулированной семантики.

Лицо Созерцающее и лицо Слышащее на поверхностном (морфологическом) уровне представлены личным местоимением первого лица в аффективной форме имени, на коммуникативном уровне выполняют функцию субъекта модуса [13, с. 142-143]:

5) *Сона гу* 'Я вижу' (т.е. обладаю способностью видеть).

6) *Сона хоз* 'Я слышу' (т.е. обладаю способностью слышать).

Специфика функционирования личных местоимений первого лица единственного числа эргативных языков заключается в том, что они не просто обладают лексическим значением: категориальное значение трех лексем (*со*, *аз*, *сона*) равно полнозначному предложению (*со* 'я' = лицо Произносящее, т.е. «лицо» и «говорит»; *аз* 'я' = лицо Произносящее, т.е. «лицо» и «произносит»; *сона* 'я' = лицо Созерцающее, т.е. «лицо» и «созерцает и / или слышит»).

Равенство лексического значения местоименных существительных полноценному предложению отличает диахронически значимый пласт исконных лексем – местоименных существительных (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я'), от семантики других именных групп квантитативно и квалификативно, и этот наиболее древний пласт первичных слов должен быть глубоко изучен в каждом эргативном языке с точки зрения различных измерений языковых знаков и фактов.

Релевантные функции эгоцентрических лиц (видение говорения и слышание произношения) осознаются эргативным мышлением как данные лицу априори (постулированные), как наличная база (бессознательно запускаемая) они первыми подвергаются категоризации в языке.

Речевые лица обнаруживаются аффективными лицами в их прототипической функции [10; 12; 13]. Функция аффективных лиц, если использовать меткое выражение М. К. Мамардашвили, «выворачивает внутреннее» и «овнутряет внешнее» [8, с. 290-292]. Выворачивание внутреннего согласуется с фреймом интенциональности аффективного лица, интенция которого «изошла» в объективную действительность за дискретно осваиваемой информацией (в нашем случае – за видеокадром «лицо Говорящее»), овнутрение же внешнего согласуется с экспериенциальной частью этого же фрейма, доставляющего пропозитивную информацию в континуум перцептивного мышления [15; 16] носителя эргативного языка.

Когнитивно значимой является эксплицитная функция речевых лиц: Говорящего и Произносящего и имплицитная мыслительная функция аффективных лиц: Созерцающего и Слышащего. Функции лица, обнаруживаются как принадлежащие одному реальному речедателю, проявляющему функционально разнородную активность (агентивность) лица в акте коммуникации. Аффективные эгоцентрики, распознающие речевые лица парадигмы – это то основание, которое обуславливает расслоенное (шифтерное) представление категории лица в нахском ингушском языке (наряду с другими эргативными языками).

Четыре эгоцентрических компонента парадигмы, представляющие различные **релевантные** функции лица, встраиваются в семантическую структуру глаголов различных корпусов (прежде всего номинативных, эргативных, аффективных) эргативных языков, активно исполняя глагольное действие (состояние, процесс) и претендуя на ранг первого лица и субъектно-подлежащую позицию в составе предложения. Релевантность эгоцентриков (т.е. лиц парадигмы) заключается в том, что они представляют трех антропоцентриков (т.е. три понятийные категории).

Язык реализуется в речи. Речевой акт прагматичен. Наличие лица Говорящего в центре прагматической ситуации делает ее лингвопрагматической. Для языков эргативного строя характерны не одна, а две **прототипические** лингвопрагматические установки (классическая инг. *со ва хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' и эргативная инг. *у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь'), противопоставленные одной прагматической ситуации номинативных языков (рус. *я здесь сейчас*). Обе установки нахского ингушского языка кодируют разное речевое лицо (Говорящее, Произносящее), за кадром каждого из которых всегда возникает свое аффективное лицо (Созерцающее, Слышащее), в своей установке [10; 12]:

На **гендерном** уровне понятие маскулинность-фемининность в ингушском языке прототипически обнаруживается в бинарной классической прагматической ситуации (*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' vs. *со й а хланз* 'я женщина в пространстве теперь') безотносительно к биологическому пониманию пола, но на основе разницы в произносительной функции лица (*в* – 'мужчина по произношению' и *й* – 'женщина по произношению') [17, с. 399]. Произносительная функция лица (лицо Произносящее), неоднозначная по гендерному признаку, когнитивно маркируется в качестве **постулированной**, так как вскрывается в классической прагматической ситуации ингушского языка (инг. *со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' vs. *со й а хланз* 'я женщина в пространстве теперь') как данная априори, а не моделируется в ней эвиденциально [17, с. 398].

Биологическое понимание пола появляется с обозначением в языке понятия *вълара шод* 'узла рождения', связанного с понятием *эргавалар* 'обновления через изменение' и мыслится как **приобретенная** в прагматической ситуации *укхаза хланз* 'здесь и сейчас' (чеч. *кхуза хлинц* 'здесь сейчас', бацб. *окхус инцл*) *цлонг йоацача навха* 'беспупковыми людьми' функция.

Дейктическое наречие места *укхаза* 'здесь' и глагол бытия *ва* 'есть, существую м.р.' (чеч. *кхуза* 'здесь' и *ву* 'есть, наличествую м.р.', бац. *окхус* 'он, этот' и *ва* 'есть, существую м.р.'). функциональные для современного ингушского словаря, исторически сложились из двух лингвопрагматических установок. Наречие *укхаза* 'здесь' прототипически обозначало эргативную прагматическую ситуацию (инг. *укхаза* 'здесь' = у 'тут', *кх* 'еще', *аз* 'я', *а* 'в пространстве', *хланз* 'теперь'). Когда ингушский язык был синтетического строя, эта лексема (совр. инг. наречие *укхаза* 'здесь'), представляла собой естественное для этого строя слово-предложение, в котором не было привычных для современного нахского языка субъектно-объектных отношений и частеречной отнесенности слов. Экстрадиция такого рода фрагмента (блока-мысли) синтетического прошлого ингушского языка, как *укхаза* 'здесь' (инг. *укхаза* 'здесь' = у 'тут', *кх* 'еще', *аз* 'я', *а* 'в пространстве'), *хланз* 'теперь' в современный ингушский язык и его сохранение в нем связано с неизменяемостью фрагментов его составляющих [18, с. 35-37]. В других нахских языках этот отрезок редуцированный (сравните: чеч. *кхуза* 'здесь' и бацб. *окхус* 'здесь').

Глагол бытия ингушского языка *ва* 'есть, существую м.р.' сложился из классической

лингвопрагматической ситуации (инг. *со в а* 'мужчина в пространстве' vs. *со й а* 'женщина в пространстве'), временной параметр которой (*хланз* 'теперь') добавился (или отделился?) как автономное слово, вслед за локативным [10; 12; 13, с. 65-115]. Уникальность двух композитных словарных единиц (инг. *укхаза* 'здесь' и *ва* 'есть, существую муж. р.') современного ингушского языка заключается в том, что доказательная база их исконности присутствует синхронно в ингушском словаре в качестве самостоятельно функционирующих неизменяемых лексем: *ва* = *в* 'мужчина по произношению', т.е. *в* 'показатель муж. произношения' и *а* 'пространство, в пространстве' (сравните: *е цлагла вац*, *е а вац* 'ни в доме, ни в пространстве' – о нерадивом мужчине). Грамматическая неизменяемость составляющих первых прагматических установок ингушского языка (*укхаза* и *ва* (*йа*)), функциональных как точек отсчета в его бытность синтетического строя, обусловила их историческую сохранность в первозданном, нередуцированном виде.

Другим важным параметром измерения компонентов парадигмы лица нахского языка является функционирование базовой понятийной категории «постулированности / приобретенности» [13, с. 194]. Парадигма лица нахских языков накапливает четыре эгоцентрика **постулированной** семантики. Постулированными лица парадигмы (Созерцающее, Говорящее, Слышащее, Произносящее) признаются эргативным ингушским мышлением в силу того, что лица-локаторы (речевые эгоцентрики) **обнаруживаются** в дистинкции собственного *со* 'эго' и *аз* 'эго' как готовый к запуску механизм аффективными эгоцентриками, стоящими за кадром речевых лиц [10, с. 83-84, 97-99], а не моделируются эвиденциально в прагматической ситуации *укхаза хланз* 'здесь и сейчас'.

Запуск механизма функции компонентов парадигмы постулированной семантики (четырех эгоцентриков), представляющих релевантные функции лица речедеятеля (созерцание речения и слышание произношения), есть основание для генерации функций лица **приобретенной** семантики [13, с. 55, 62]. На пустом месте возникнуть локативное лицо, например, не может. Для генерации локативной функции лица, необходимо прототипическое основание, т.е. функция лица постулированной семантики. Сравните конструкции:

7) *Аз* (ERG) *оал* 'Я произношу' (т.е. обладаю способностью априори) и:

8) *Coга* (ЛОК) *оалалу* 'У меня получается произнести' (букв. *сога* 'мне' *оал* 'произношу, а' в пространстве', *лу* 'дают').

Свойство глагола *оалалу* 'получается произнести' возникает на основе онтогенетической функции лица Произносящего (*аз оал* 'я произношу') посредством суффиксоида *лу* 'получаю, дают', коррелирующего с автономным эргативным глаголом *лу* 'даю'. Такого рода фрагмент генеративной грамматики, связанный с каузативной функцией лица Произносящего, указывает на приобретенность функции локатива, очевидно засвидетельствованной в прагматической ситуации *укхаза хланз* 'здесь и сейчас'.

Переключивание функций лица Произносящего в область акциональности локатива представляет собой специфическую для нахского ингушского языка форму транспонирующей каузации (вызывание к жизни через переключивание свойств), фреймово организованной [13, с. 240-241].

Четыре эгоцентрика, представляющих парадигму лица эргативных языков, могут быть истолкованы как активные (агентивные). Динамичность эгоцентрических лиц парадигмы разнородна, так как механизм их запуска базируется на гетерогенных онтогенетических функциях лица (видении, говорении, слышании, произнесении), обуславливающих богатство именной морфологии эргативных языков в целом.

Лица парадигмы, исследуемые в направлении от смысла к тексту и от текста к смыслу в целях семантического объяснения сущности эргативности в этой области знания, вскрываются в

рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации. Рефлексивный режим интерпретации, противопоставленный диалогическому режиму истолкования канонической речевой ситуации, введен в теорию речевой деятельности эргативных нахских языков в дистрикции собственного *со* 'эго' [13, с. 5-6, 46-49, 64-65, 344].

Таким образом: одним из основных константных признаков языков эргативного строя является парадигма лица, состоящая в ингушском языке из четырех эгоцентриков. Самой сильной характеристикой компонентов парадигмы лица эргативного нахского языка является их акциональность: деятельность первого речевого лица Говорящего активизирует функцию лица Созерцающего, способного наблюдать артикуляцию лица, индифферентно функции лица Слышащего. Акциональность второго речевого лица Произносящего прототипически запускает механизм лица Слышащего, распознающего разнородную функцию голосовых связей, безотносительно к артикуляции лица.

Гетерогенная активность функций такого релевантного антропоцентрического фактора, как лицо речедеятеля, в процессе категоризации его функций грамматически отражается агентивностью именного компонента предикативного центра (примеры 1-2, 5-6) в пределах речевого акта – акта коммуникации. Акциональность (деятельность) субъекта возникает на основе запуска механизма гетерогенной активности речевых функций лица, связанных с языком и мышлением:

Глубинный уровень		Поверхностный уровень	
Понятийная категория	Семантическая категория	Лингвоцентрическая категория: грамматический уровень	
Антропоцентрический уровень	Эгоцентрический уровень	Морфологический показатель	Синтаксический уровень
<i>Кхета саг</i> 'homo sapiens', т.е. человека разумный	Лицо Говорящее как лексич. значение местоимения 1 лица ед.ч. (<i>со</i> 'я')	<i>Со</i> 'я' – номинативный падеж имени	Номинативное предложение: <i>Со сиха лув</i> 'Я быстро говорю'
<i>Сакхета саг</i> 'homo spiritus', т.е. человека - дух	Лицо Произносящее – как лексич. значение местоимения 1 лица ед.ч. (<i>аз</i> 'я')	<i>Аз</i> 'я' – эргативный падеж имени	Эргативное предложение: <i>Аз даьга оал</i> 'Я отцу говорю (т.е. произношу)
<i>Хоалу саг</i> 'homo sentiens', т.е. человек воспринимающий	Лицо Созерцающее (и / или лицо Слышащее) – это лексическое значение местоимения 1 лица ед.ч. (<i>сона</i> 'я')	<i>Сона</i> 'я' – аффективный падеж	Аффективное предложение: <i>Сона гавнара гу</i> 'Я вижу издадалека'.

Самой динамичной константой следует признать акциональность лица Произносящего в силу его полифункциональности, поэтому оно и квалифицируется нами в качестве Актора в коммуникативном пространстве речевых актов нахского ингушского языка (наряду с другими эргативными языками), выдвигающих не одно, а

сразу три предложения в качестве ядерных. А.С. Чикобава отмечал, что эргатив, укоренившийся в лингвистике благодаря А. Диру, в грузинском называется *motxobiti*, т.е. нарратив по латински и немецки, а в русской языковедческой традиции для обозначения эргатива употреблялся термин «активный падеж» [21, с. 147]. Оба термина, на наш

взгляд, в совокупности верно передают сущность этого имени: эгоцентрик лицо Произносящее, представленное в нахском языке эргативной формой имени, узурпирует всю каузативную (читай активную) систему ингушского языка [13, с. 218], генерируя нарратив.

Константные признаки эргативного ингушского и других нахских языков не во всем совпадают. В нахском чеченском языке, например, в качестве базовых обозначаются два ядерных падежа имени и соответственно выдвигаются два базовых предложения в акте коммуникации [20, с. 105-110]. В бацбийском языке (исторически в языке одного из ингушских сообществ: Боацой//Бацой), например, первая установка совпадает с ингушской (8 и 9 параметры константных признаков). Вторая эргативная прагматическая установка бацбийского языка, кодирующая не локутора (8 параметр), сильно редуцирована тем, что представляет третье лицо *о 'он, этот'* (бацб. *окхус 'он еще здесь'*), а не первое, как в ингушском и чеченском.

Эргативное мышление носителя ингушского языка, базирующееся на четырнадцати константах, интересно тем, что отражает на различных уровнях структуры своего языка локализацию лица Говорящего (наряду с лицом Произносящим) в пространственно-временной действительности (см. восьмой и девятый параметры доминантных признаков эргативных языков), представленной в его естественных, а не реконструированных лингвопрагматических установках.

Наиболее полно и в неизменном, нередуцированном виде константные семантические признаки (**14 констант, или доминант**), объясняющие, на наш взгляд, суть эргативности, не случайно обнаруживаются именно в ингушском языке. В другом нахском языке они и не могли быть вскрыты, так как прототипические базовые принципы, объясняющие эргативность, в *origo*, т.е. в начальном первозданном виде функционируют только в ингушском нахском языке. Вскрытие функционирования нередуцированных доминантных признаков эргативности именно в ингушском языке, синхронно сохранившем на различных уровнях структуры фрагменты своего синтетического прошлого, и является непреложным основанием для квалификации ингушского языка в качестве языка-основы нахской группы языков. Соответственно и диалекты (наречия) нахских языков следует исследовать, исходя из этого статуса ингушского языка, чтобы носители нахского мышления могли логически верно обосновать реальную языковую картину своего мировоззрения в ее развитии от диахронии к синхронии в целях собственной идентификации не только по гаплогруппе.

Апробация константных (доминантных) признаков эргативного ингушского языка на материале других эргативных языков может вскрыть релевантные семантические и / или понятийные нюансы функционирования языков эргативной стратегии.

Литература

1. Алексеев М.Е. Проблема аффективной конструкции предложения. – Автореф. дис. ... канд. филол. – М., 1975.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984/2001. – 400 с.
3. Дирр А.М. Рутульский язык. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1911; Вып. 42.
4. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. – Санкт-Петербург. Изд. «Алетей», 2005. – 720 с.
5. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. 2 -ое изд. – М.: Книжный дом «Либроком». 2009. – 226 с.
6. Кун Т. Структура научных революций / С вводной статьей и дополнениями 1969. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
7. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
8. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». – Тбилиси, 1996 (переиздана в СПб. в 1997). Изд. Русского Христианского гуманитарного института. – Нева, 1997.
9. Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции // ДИАЛОГ. – М., Изд-во РГГУ, 2006. – С. 403-413.
10. Тариева Л.У. Размещение лица Говорящего в классической лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. Том 3, № 3, 2017. – С. 81-85; 96-100.
11. Тариева Л.У. К вопросу о лексическом каузативе в эргативном ингушском языке // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. – С. 119 -122.
12. Тариева Л.У. Лица парадигмы с глубинной и поверхностной точки зрения // XXXII Международная научная конференции «Эффективные исследования современности ЕНО», № 10 (32), 2017. – С. 136-146.
13. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань. ООО «КЕП». 2017. – 376 с.
14. Тариева Л.У. Синтактика и модальная функция лица Созерцающего // Scientific light VOL. 1, № 4, 2017. Wroslaw, Poland. – С. 64-67.
15. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). №8. Том 3. – М.: Наука, 2014. – С. 197-202.
16. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. – Астрахань. 2014. № 4 (52). – С. 24-27.
17. Тариева Л.У. Вербальная презентация прототипического гендерного признака в нахском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 6. – С. 395-399.

18. Тариева Л.У. Генерация союзного слова синтетического типа, объединяющего части гипотаксиса эргативного языка // *Annali d'Italia 'Научный журнал Италии'*, Italy. – Florence, **2020**. № 5, VOL. 2. – С. 33-38.

19. Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: Восточная

литература, 2003. – 78 с.

20. Халидов А.И. Основания выделения базисных и ядерных структур предложения // *Вестник АН ЧР*. 2015. № 4 (29). – Грозный, АН ЧР, 2015. – С. 103–112.

21. Чикобава А.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси: изд-во «Универсал». 2010. – 343 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

A DOLL AS A SPECIFIC FORM OF INTERACTION OF PEOPLE IN THE PROCESS OF THEIR COGNITIVE ACTIVITY

Shipovskaya Lyudmila Pavlovna

Doctor of Philosophy, Professor,

Professor of the Department of Philosophy of Moscow Automobile and Road Construction State Technical University;

64, Leningradsky prospect, Moscow, 125319

+7(499) 155-03-97

Lyudmila Shipovskaya,

Moscow Automobile and Road Construction University

Abstract. Between a person and a doll there have been established certain peculiarities of the space in which a doll appears as a representative of another world, different from the world of the real life, as a being «different» from a person. A doll is one of the main symbols in life, which carries a rather deep philosophical meaning. A doll has always been used by humans for entertainment and educational purposes, and it is a specific form of human interaction. A doll has always been a product of fantasy and reality, that is, an existing reality – protective, inspiring, entertaining and developing.

Keywords: the phenomenon of a doll, rituals and dolls, aesthetic need, a doll is one of the main symbols in human life, a doll is a cultural mediator, a chronotope, a doll is a symbolic mediator in the aesthetic aspect, a folklore doll is a meta-sign, a mechanical doll.

Imitating a human being, a doll is connected with him through physical, psychological and philosophical links. The first dolls, as we know, are associated with the rituals that express the worldview of a primitive society. The phenomenon of a doll is one of the mysterious pages in the history of culture, as a whole. “A doll reflected and reflects the inner female spirit, the voice of the inner mind. For centuries people have experienced that dolls can have both sanctity and frightening effect on a person, changing human’s spiritual essence.” A doll is a symbol which embodies mysterious aspects of mankind, and it represents a visible intermediary between the world of childhood and the world of adults. Even up to this day, it has played a significant entertaining and cult role in human culture. Throughout history, dolls have always been associated with philosophy. Puppet shows existed in all major countries of Europe and Asia hundreds of years ago. The puppet theater has appeared from the rituals. The puppets portrayed folk legends, heroic stories, performed acrobatic and circus acts and satirical scenes. Vietnamese water dolls were invented thousands of years ago. The dolls were cut out of a fig tree (sung), which does not sink, and they looked quite realistic. They served either as the images of the peasants themselves and of the animals, or as the images of various mythical characters, such as dragons, phoenix, and unicorns. Performances were usually organized at the places of ponds, lakes or flooded rice fields. Reference to the water dolls (1010-1400) can be found in the writings of ancient scientists Nguyen Kong Bat and Fang Chung Nguyen. At the beginning of the play, the dolls would float to the surface of the water, and at the end of the play they would dive back. The life of such doll is short – just about 3-4 months. The puppeteers spend the entire performance waist-to-waist

in the water, and they are hidden from the audience by a green bamboo curtain. The dolls are firmly attached to the long bamboo rods and are controlled by the ropes. In the evening, with limited visibility, it looks as if the dolls are actually walking on water. The performance is accompanied by playing on national instruments: single-string bau, two-string – nguet (type of lute), bamboo xylophones, wooden flutes, wind henthai and henmeu – their sound is reminiscent of «wind noise in dry bamboo bush», gongs, drums.

In India, even nowadays, the main theme of puppet shows are the hero gods from the main epic monuments-poems «Mahabharata» and «Ramayana». The plot of «Mahabharati» is connected with the struggle for power within the royal family. The main plot of «Ramayana» is the story of life of Rama – ideal son and ideal ruler. These performances have philosophical meaning: the puppet master in the play symbolizes the creator – Brahma, and the puppet theater itself represents the world. For a long time, India has been considered the cradle of human civilization, a so-called fairy-tale country. In some parts of India, dolls are still sacrificed to gods and at the same time admired and worshipped. It is an old custom to hold a homemade puppet exhibition at home on holidays. In the south of India, they make «dancing dolls» consisting of movable parts. In the north, there are decorative dolls dressed in beautiful costumes, in compliance with the traditions of different states of India. Dolls made from clay or various types of wood depict mythical heroes, household scenes. The bronze figures that are made in Central India can also be realistic. Braided dolls represent one of the oldest forms of art. Sikki grass and straw [3] are used for their weaving. In the Catholic churches of Italy and Spain, along with a variety of painted sculptures, there can

also be found dolls depicting the Virgin Mary with the infant and apostles. Both clothes and faces are stunning with their naturalism, elegance and aesthetic taste. It is also customary for Catholics to have a Bethlehem manger near each church. Typically, the characters of this biblical plot are human-sized dolls equipped with primitive mechanisms to simulate movements. The clothes on the dolls correspond to the time, it is simple and aesthetic [1].

The Christmas tradition from Europe through Ukraine and Belarus has come to Russia as well, embodied in a doll nativity scene. The doll nativity scene is a portable little puppet theater with two scenes placed one on top of the other. The upper stage is the Bethlehem manger, and the lower stage is the palace of Herod. The first historical mention of a puppet theater in Russia dates back to 1636. The Russian folklore puppet hero Petrushka is a small glove doll in red silk or satin coat and velvet trousers. On his head there is a traditional red cap with a tassel. The scenes with his participation were performed by wandering actors-buffons. It is difficult to say when Petrushka first appeared in front of the public, but it is known that already in the 17th century puppet performances with Petrushka were very popular among the people. The Petrushka Theatre is still functioning today and brings joy to the audience. The most popular character in Roman puppet shows was Maccus, an ugly, hunchbacked character with a huge stomach and a long nose. He always made the audience laugh with his grimace and his shouts. His popular given name Pulcinello was slightly changed and transferred later on to the heroes of theatres in France, Spain and England.

In Indonesia, the dolls were flat, carved from buffalo thin, transparent, and colored leather. The doll figures were moving, or rather sliding, on the screen illuminated from behind. The dolls moved to music and reading the text. The play began with sunset and sometimes continued until the dawn. In Ancient Rome satirical puppet performances were very popular. The Romans appreciated the dolls not only for their «comic talent», their ability to ridicule ugly phenomena of life and human flaws, such as greed, hypocrisy, stupidity; but also, for their beautiful clothes that reminded of Roman dresses. After a political satire, the puppets were soon punished: Julius Caesar, who was ridiculed by them, forbade the dolls from speaking. The puppets were allowed to explain the content of the play only through body movements, signs and facial expressions [2].

Since the middle of the 19th century, there have been sensational discoveries in archaeology. In the caves of France and Spain, scientists encountered perfect wall images of the Paleolithic era. These masterpieces have long been mistaken for late forgeries. Cave imagery – in painting, graphics and fine plastic – indicates the unknown and inexplicable initial human need to duplicate the object. The study of the graves suggests that the concept of the border between the dead and the living was already highly developed. The ancient man was much more tied with the doll than we can imagine today. The oldest Egyptian dolls served as funerary gifts and had the purpose to make the

loneliness of the deceased person more pleasant. Back then it was believed that death marks the transition to «eternal life». In ancient Slavic traditions, funeral rituals were connected with belief in the afterlife, they thought that souls of ancestors are somewhere in the middle sky «aere». It was believed that human images could come to life and affect people's destinies. For ancient consciousness there was no difference between a sculpture and a doll, an idol or a totem (ancestral animal). The deceased people were honorably escorted to «next world», so that they would provide help to their descendants, stand for them before the gods, assist in the agricultural cycle, for example, "cause" rain for a good harvest.

There were also puppets-alternates that duplicated a particular person. If someone left the family (for example, husbands or sons went on war campaigns), substitute dolls were mastered. Such dolls (usually they were made from fabrics) were stored in the house. It was considered a bad omen if suddenly something bad happened to a doll (the image of a person). It had a meaning that a misfortune happened to a prototype, of a doll, and the family began to prepare for the worst.

Up to this day, there are still a variety of funeral rituals involving dolls. For instance, we can look at the traditions of the tribe torajans, in translation "inhabitants of mountains", "mountain people", who live in the mountain area of Sulawesi (one of the Indonesian islands). In order to perform the ritual, the torajans make a doll that represents the accurate copy of a deceased person, place it in a specially built cabin to make it watch a day-long, colorful funeral ceremony until the end. The adult torajans are buried in the caves of lava slices and slopes surrounding mountains. Coffins are carried to the depth of the cave, and special windows of doll-images of the deceased are placed in the front of the cave. Grave care includes changing the outfits of these dolls. African tribes also use dolls in funerary rituals as images of the dead. The doll, as a communicator between the dead and the gods, has conquered all continents, from Asia, through Europe and Africa, to America. For example, one amber doll and four ivory dolls (III-IV century) were found in the necropolis of Spain.

In ancient Egypt, large moving dolls were used during religious ceremonies. Such dolls were endowed with divine properties. Today, as in the past, there are carnival marches in many countries, attended not only by well-dressed giant dolls, but also by people. The game is a leading human activity in which mental, physical, aesthetic and moral principles of a person are formed. The specific historical conditions of each epoch and the aesthetic content of the dolls have a direct influence on the direction of the games. «At each stage of its development, in each ethnicity and social layer of the same nation, a doll creates an exact portrait of the given type of culture» [6]. In Japan, in the VI century A.D., there appeared a doll which people consciously designed using the principle of stable balance - it's a tumbler doll. Russian tumbler dolls appeared in the beginning of the XIX century, they were called «kuvyrkan» and depicted either clowns or merchants. At the end of the XIX century, from Honshu

Island, there was brought a figure of a Buddhist monk Fukuruma, containing several pieces embedded in each other – this served as a prototype of famous Russian “Matryoshka doll”. The first talking doll in the world was invented with the help of Thomas Edison’s invention of the phonograph. In 1890, the phonograph was placed inside the doll, but the project did not work because the dolls were fragile and the records were very short. In 1959, the Barbie doll was created, which became one of the best-selling toys in history.

The idea of the world is acquired in the childhood by playing with and looking at various toys (dolls, toy tools and weapons, barbie dolls, pieces of furniture, clothes, puppets etc.). The cultural development of a person consists of the acquiring the knowledge of a language, symbols, images, words, signs, letters, counting system, games, etc. One of the special ways in which people view reality is through feelings. The game contributes to the formation of the first emotional-aesthetic assessments, the development of artistic taste. It can be assumed that the master of art acts as a bearer of ancient culture, connecting the past with the present. The need for aesthetic expression can be found in anyone from the earliest childhood. The evidence to that can be found in different cultures at any stage of human development, beginning with the primordial human being. Culture, its subject-matter relations, its spiritual meaning, as well as the human community as a whole, can serve as carriers of various forms of feelings and thoughts. A traditional doll, whether it’s a rag doll or a clay whistle in the form of a bird, always carries a national ideal that shapes the national aesthetic consciousness for the new generation. Sensual properties of a human being are developed and improved only in the context of culture and human community, which already has material and spiritual values. By acquiring social experience, a person develops feelings that contribute to the development of spiritual needs and abilities. Aesthetic needs are closely intertwined with conative, and with cognitive needs; their clear and precise delineation or differentiation is impossible. Therefore, a toy, including a doll created by adults, is an object that should, by organizing and accompanying the game, serve the aesthetic and intellectual development of a human being; it is an object that, from early childhood, gradually introduces a person into the material and spiritual culture of his or her society. However, a toy, such as a doll, can only introduce a new generation into the material and spiritual values of a culture only if a toy itself depicts these values. In usual (traditional) representation, spirituality consists of three elements: cognitive, moral and aesthetic. Three domains of spiritual values are truth, good, beauty. Aesthetic feelings are human. They’re based on the experience of the mind, and they’re thought-provoking. Aesthetic feelings are called worldviews. Aesthetic sense as a peculiar human experience arising from the perception of specific lenses: beauty of nature, works of art, objects of work, toys, etc. is not given to a person from birth. The most beloved doll of a person will always be the one that is made with his or her own hands, «animated» by his or her own inspired fantasy. This is

the main value of the traditional folklore doll. Feelings stimulate social activity, regulate behavior and shape aesthetic and moral ideals. Aesthetically, the reality is neutral, because the source of beauty lies in the soul of the individual. It is a matter of culture. Beauty is the result of a certain perception of phenomena of reality, «judgements of taste», «feelings», «projection of spiritual wealth on reality», as many subjectivist trends in aesthetics assumed (romanticism, modernism). A beautiful doll is one of the most essential needs of the female half of humanity. In Russia, the first foreign fashionistas with charming wax faces and wonderfully lush wigs came from England, France and Germany. These were very expensive «trinkets» in natural silks and lace-thin weave. In the XVII - XIX centuries, Russian craftsmen mastered the manufacture of porcelain beauties, the sophistication and durability of which has earned the worldwide recognition. Such parlor dolls were not the object of play, but were intended to cultivate good taste and to teach thrift. The need for beauty and harmony constitutes the ideal basic human needs. A basic need is the one the dissatisfaction of which leads to serious impairment of vital functions. Artistic organization of the household of all traditional cultures confirms the importance of aesthetic experiences in human life. The clothes of all people of the world have been decorated with cloth patterns, embroidery, gold sewing, etc. Household utensils, dishes, furniture, walls, ceilings and doors are painted with floral patterns and singing birds. Folk music, poetic folklore, proverbs, lullabies, fairy tales are an artistically organized word and sound (music). Folklore dance is an artistically organized movement [3].

The opinions of scientists differ regarding the question of emergence of dolls. Some scientists believe that dolls, like other toys, appeared at the same time as the origin of humanity. Modern children like to play with the forms of toys that already existed back in ancient civilizations – Ancient Greece and Ancient Rome – such as balls, spinners, skipping ropes, puppets, etc. The dolls and various toys of the Ancient Greeks, which have come to our time, are characterized by the elegance of style, beauty of covering, ingenuity. The toy “flying dove”, which is a prototype of future aircraft, is exhibited in one of the archaeological museums of Greece. This is a stunning mechanical figure of very delicate workmanship for that time, striking perfection. Amazing finds were also discovered during excavations of ancient cities in Egypt. Various household items, utensils, statuettes, including many specially made and painted toys and dolls that amazed archaeological scientists. Excavating the city of Pompeii after the eruption of Mount Vesuvius in 79 A.D., archaeologists also found a large number of children's toys. At the excavation site, they discovered toys for children of those times: a rattle with metal parts inside, toy dishes and small clay-filled little dolls. In the collection of the British Museum today there is such an exhibit as a rag doll belonging to a small Roman, who lived in 300 B.C. The oldest Egyptian dolls are about 4,000 years old, the oldest Indian toys, including dolls, are about 5,000 years old. The findings of archaeologists are sometimes simply

rough chumps with no arms, no legs. The heads of such dolls were decorated with wigs made of wooden and threaded beads. The dolls were not intended for children but for adults and were associated with different forms of religion [4].

It is commonly believed that human life consists of two main lines of development. One line is the natural course of action closely linked to socio-biological processes, physical maturation and its maturity. The other line is the cultural improvement of psychological functions, the formation of individual consciousness, new ways of thinking, mastering cultural, moral, ethical and aesthetic means of behavior. All human forms and activities have three periods: past, present and future. The key time-frame concepts of life and death. In addition, life and death are linked to the relationship between man and time: eternity and time; the past, the present and the future; the past and the destiny. According to S.L. Rubinstein, human existence is characterized by activity, which is always the attitude of man to the world, conscious and purposeful. In archaeological perspective, a doll was born along with a man. After all, dolls are indeed essential ancient amulets of primitive people and idols of pagan times. Created as a symbol of a person, a doll often «comes to life»; it is endowed with human traits and passions, and seems to be able to live its own special life. It is a mystery that we might never be able to fully comprehend. Therefore, a doll is probably one of the most important symbols in life that carries important philosophical meaning. A doll was used by man for play and education, and was used as a facilitator of pagan rituals and healing, for the purpose of protection and worship. It has always been a product of fantasy and an obvious reality – performing protective, inspiring, entertaining and developing functions.

Throughout the history, mankind has invented only four mediators (a sign, a word, a symbol, a myth) linking the inner world of man to the spiritual culture of the world. It is very difficult to expect that humanity will discover anything new in the foreseeable historical period. Cultural mediators are the products of the history of all human culture. Today, there are many incomprehensible and unexplored aspects in this field. A doll served and serves as a symbol of transition from one state to another, changes of time and space. “In Russia, the farewell to Winter was accompanied by the burning of the stuffed with straw doll called “Maslenitsa”, representing all the old, - the destruction of the old signified the birth of the new. And after harvest, at the border of Summer and Autumn, they buried the straw doll “Andropouska” and organized a common meal for all the people – that was the magical way to keep the strength hidden in a grain of bread until Spring» [6]. A doll has always been considered as a different form for any level of consciousness: both for the “archaic” consciousness, which perceives a doll as a spiritualized object, and for the “enlightened” consciousness, “animating” a doll only in the aesthetic aspect.

People exchange information in a specific way – through the process of transferring emotional and intellectual content, or communication. A doll is a

symbolic mediator or intermedium. A symbol is one of the most important categories of art, philosophy and psychology. Viewing a symbol as a mediator with which the mutual transformation of an idea into a matter and a thing into an idea is possible, Florence P.A. believed that the mediating function of a symbol can be explained by the concept that a symbol is, by itself, a matter and an idea. Let us mention that a symbol is also energy. The word is the result of a complex inner life experience of a person, it is the word that helps to organize the internal life, making it possible for other people to understand. The image contains a subjective representation of the world or its fragments, including the subject itself, other people, the spatial environment and the time sequence of events. In traditional culture, a folklore doll is a meta-sign [5]. The doll reflects a person’s knowledge of the world on an ordinary level – worldview, life paradigm, system of beliefs, regional affiliation and social status of a person. Between a person and a doll there have been established certain peculiarities of the space in which a doll appears as a representative of another world, different from the world of the real life, as a being «different» from a person. While playing with a doll, a person activates his own body. Directing the doll’s movements, a person interacts with it on kinesthetic, emotional, and interpersonal levels. He moves doll and moves himself, changing the intonation and timbre of his voice while talking to it, and while «answering» for it. Therefore, the maximum involvement in the game allows the person to differentiate his own states and «states» of a doll. An imaginary doll is a doll that lives in our minds as an image and can be made into reality (for example, in a drawing or made by hand).

In Russia the dolls appeared in the IX century and were called «poteszki». They were believed to have medical properties and to be protective for infants, so from ancient times they were placed in the nursery. The traditional rag dolls of our ancestors carried good meaning and were faceless. A faceless doll was considered an inanimate object that was not accessible to the doll’s dangerous, evil powers, and therefore harmless to the child. The purpose of the doll was to give a child well-being, health and joy. The only thing that puppeteers were allowed to mark was a cross (an ancient powerful solar sign). In some cases, it was precisely the cross that gave the textile or straw figure the magical status of the protector, excluding the eyes, nose and mouth. The doll, which the Slavs believed had a face, was endowed with a soul, and could be used in witchcraft purposes and for purpose of disease induction. In Russia only women made dolls. Men were not allowed to watch dolls being made. It was believed that the quality of the work of a woman influenced the fate of the whole family. Before starting this responsible work, a woman had to read special ritual spells. The first doll was made by a girl when she was around the age of 12 or 13. The most beautiful hand-made dolls were stored in a closet and were part of a bride’s dowry. A doll is a reflection of a person; with its help we search for our own self. For example, a puppet was meant to be played, loved, hugged. The neutral expression on the doll’s face allowed the

person's imagination to activate and imagine the doll smiling, crying or sleeping, depending on the mood of the player. The minimalism in the facial features of the doll does not act aggressively on the child's fantasy, allowing to develop freely, actively during the game. The child is free to speculate on certain features of the doll's face, facial expressions, emotions. The mood is not fixed on the face of the doll in the form of a permanent smile, it can change at will of the child. Psychologically such a doll is emotionally neutral [6]. In the XVI century, Catholics began to visualize the Holy Scripture, and in 1672 in England created the first art doll made of papier-mâché, a nun doll, with a circulation of 12 copies, which had a face. The Russian word «doll» is related to the Greek «kiklos» («circle») and means something folded. To differentiate between the doll and the idol is almost impossible in early history. It was used as a personification of deity in religious rituals. Of course, ceremonial dolls are not children's toys. From the ancient times, people have always presented the world as a whole. Every element of the world in man's imagination was connected to something else. To know the good without knowing the evil was impossible. There are also dolls in the world that were made with malicious intent. These dolls are usually made of wax. Such a doll is called the Voodoo doll or Volt, which is a duplicate of the object of magical manipulation, a resemblance of human. The purpose of making a Volt is to visualize the victim, that is, to facilitate the identification of the doll with the victim, a tool for witchcraft. The sorcerer does not perform good deeds, his hidden action is usually aimed at causing harm to a person. As a result of a special curse of the doll, it has a connection to a certain person. Once a special connection is established through the law of similarity, it becomes possible for the doll owner to act destructively through it on the person whom it symbolizes. The doll was painted with eyes and mouth, thus making it resembling a human being, and was given a certain name. After that, the damage done to the doll inevitably extended to its living counterpart. Over the time, the dolls were no longer exclusively associated with cults and rituals. Since the second half of the XVII century, France has set the trend throughout Europe, not only in politics, economics, spirituality, but also in fashion. Fashion magazines were not published at the time, but all the fashionable women of Europe wanted to learn about new trends in French fashion. French entrepreneurs recalled that, in ancient Rome, painted clay figures (figurines) from 8 to 25 cm tall were sent to the province for a fashion demonstration. And in France, they make descendants of figurines – beautiful Pandoras. Indeed, the Pandora dolls were true works of art, demonstrating beauty and grace. Pandora dolls were porcelain, medium-sized, had approximate proportions of an adult woman and were dressed in the latest fashion. The doll was accompanied by an entire wardrobe, as well as chests with perfume novelties, a huge number of accessories. In Russia, the doll manufacturing business was also respected. Empress Alexandra Fedorovna raised the children, teaching them life at a «puppet scale»: ivory doll furniture, doll dresses according to Parisian fashion, musical

instruments. At the end of the XVII century, Pandora had unique brothers, android mechanisms. The mystical component of puppet life became particularly popular in the era of alchemists and scientists. The idea of creating an artificial person, «Golem», did not give them rest. In the XVIII century, they learned to make puppet copies of people. The golden age of mechanical androids takes place in the era of the peculiar and unique synthesis of the new European culture. The most famous of the inventors of mechanical dolls Jacques de Vaucanson (1709-1782) started his career at the salon of Le Rischde la Pupliner in Paris, where Voltaire, Grimm, Duke of Hornier, Van Loo La Tour, Buffon and Rameau were among the visitors. They were the first ones to see the Vaucanson machine «Flute Player». Each of the visitors – philosopher, artist, biologist, composer – saw in this machine the embodiment of principles fundamental to their spheres. This doll, the size of a human, could do 12 melodies. And as she played the flute, her fingers moved through the holes of the flute, the air came out of her mouth, her lips moved like a human. «Flute Player» by Vaucanson was considered to be the first successful attempt to create an artificial person. No wonder, Jacques Vaucanson was patronized by Louis XV himself, and the state kept his work in secret. The idea of creating an artificial person had a 100-year history in France and dated back to the philosophical treatises of Descartes. Viewing mechanics as a metascience, Descartes modeled the laws of nature according to the law of mechanics. During the XVIII century, an unprecedented number of mechanical dolls were created. It is «The Scribe» and «The Painter» by Pierre Jacques Droz (1721-1790), mechanical animals, and famous «The Musician», who was dressed in crinoline with a corsage decorated with bows. The toy woman sat behind the very real, only very tiny, harpsichord and could perform five musical compositions - there were notes in front of her. These melodies were written by the master's son, Henri-Louis Jacques-Droz, who was not only a skilled mechanic, but also a gifted musician. The most famous artistic mechanism in Russia is a peacock clock from the hermitage collection. The uniqueness of these clocks is that they are still in working condition (the clocks work and the peacock himself starts every Wednesday at 13:00). From 1797 to the present day, the peacock clock has been one of the most famous exhibits of the Hermitage. In addition, it is the world's only large 18th century submachine gun that has survived to our time without change and in its current state.

Children's dolls are known to have been made a long time ago. But since it was hand-made and each doll was unique in its own way, and, of course, expensive, thus, not every family had the opportunity to have such a doll. In the middle of the 19th century, along with the industrial rise and economic flourishing in Europe, a special interest in the spiritual needs of the human being was awakened, and factories for the production of toys for children and dolls specifically, began to open.

Having briefly reviewed the history of the doll, we can come to conclusion that it is an integral part of the

culture. The doll tends to replicate the person, to consolidate his appearance, tries to imitate human movements, that is, to become a kind of a duplicate. Despite this, the doll is a thing, therefore it represents a simulation of a person. Nevertheless, during the movement of an inanimate object, there is a miracle of revival: if the figure moves, then it is alive, therefore capable of thinking, and further - if it thinks, it has will and desires. Thus, the doll, being related to the world of things, is at the same time involved in some «virtual world. On the one hand, it is materially perceptible, on the other, its image slips away, it is mysterious and incomprehensible. Therefore, the study of the nature of a doll provides an opportunity to approximate the mechanism of occurrence of all kinds of virtual images. The doll is in some intermediate position between an ordinary thing and a virtual image. However, unlike many reproducing virtual images, which often mean nothing, the doll is almost always a sign of the creative and life-building state of the human being.

References:

1. Ancient world history. The Ancient East. India, China, countries of Southeast Asia. Badak A.N., Voinich I.E., Volchek N.M., Harvest, M., 2000 - 848 p.
2. Lokshin A. Toys of the ancient world // *Preschool education* 1976, № 3. Pp.15 - 18.
3. L.P. Shipovskaia, *Chelovek i ego potrebnosti [A human being and his needs]*, Moscow, 2014 — 431 p.
4. http://www.rukukla.ru/article/kuhi/toystory/ob_ictorii_kukol.htm
5. Rubinshtein, S. L. *Fundamentals of General Psychology / S. L. Rubinstein*. - St. Petersburg [and others]: Peter, 2015. - 705, [7] p. - (Masters of Psychology)
6. Karpova T.N. "The phenomenon of dolls in Russian culture: historical and cultural aspects" St. Petersburg, 1999. p.70-71.
7. Kettelkamp S. *Chatty Cathy and Her Talking Friends: An Unauthorized Guide for Collectors*. — Schiffer Pub Ltd, 1998. — 128 p.
8. Dine G.L. *The oldest type of toy. Decorative arts*, 1974, № 8
9. Hillary Kay "Dolls, games and toys" - <http://www.megaupload.com/?d=6OO5GPG4>

Last name/ First name	Shipovskaya Lyudmila Pavlovna
Information (place of work, position)	Professor of the Department of Philosophy, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)
Academic degree, academic title	Doctor of Philosophy, Professor
Address	Apt.34, Build.5, Vasilievskaya street, Moscow, 123056
Contact phone and fax (with area code)	+7 916 203 80 88
Scientific field of the article	Philosophical Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДИСКРИМИНАЦИЯ В ОПЛАТЕ ТРУДА РАБОТНИКОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Кравцевич Сергей Витальевич

Кандидат экономических наук,

докторант базовой кафедр

Тогово-промышленной палаты РФ

«Развитие человеческого капитала»

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Россия, +89243736735

DISCRIMINATION IN THE PAY OF WORKERS IN THE RUSSIAN LABOUR MARKET

Sergey Kravtsevich

candidate of economic Sciences

Doctoral Student of the Basic Department

of the Togovo-Industrial Chamber of the Russian Federation

"Development of Human Capital"

of the FSBU "REU G.V. Plekhanova"

Russia, 89243736735

Аннотация. Дискриминация работников в оплате труда обуславливается несовершенной конкуренцией на рынке труда, которая приводит к несбалансированности воспроизводства рабочей силы по отраслевому, региональному, профессиональному признакам. Следствием реализации регулирующих механизмов по нивелированию несовершенной конкуренции на рынке труда становится проявление дискриминации работников в оплате труда. Нормирование МРОТ, как институциональный механизма регулирования распределения доходов населения, выступает предпосылкой к формированию дискриминации работников в оплате труда. Рынок труда характеризуется различными уровнями заработных плат по одной и той же группе профессий по различным отраслям экономики и по регионам.

Abstract. Discrimination against workers in wages is caused by imperfect competition in the labour market, which leads to an imbalance in the reproduction of the labour force on industry, regional, professional grounds. As a result of the implementation of regulatory mechanisms to level out imperfect competition in the labour market, workers are discriminated against in wages. The regulation of MINS, as an institutional mechanism for regulating the distribution of income of the population, is a precondition for discrimination against workers in wages. The labour market is characterized by different levels of wages for the same group of occupations in different sectors of the economy and by region.

Ключевые слова: несовершенная конкуренция, социально-трудовые отношения, рынок труда, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, средняя заработная плата, дискриминация в оплате труда, конкурентоспособность работников.

Keywords: imperfect competition, social and labour relations, the labour market, the minimum wage, the living wage, the average wage, wage discrimination, and the competitiveness of workers.

Еще одним дискриминирующим элементом, связанным с введением МРОТ, выступает ее нормируемая величина. Основным функциональным назначением МРОТ выступает обеспечение воспроизводства рабочей силы в условиях существующего товарного рынка. В связи с чем, рассматривается сопоставимость МРОТ с прожиточным минимумом. На примере Пермского края, величина прожиточного минимума и МРОТ установлена в 2016 году в размере 10 251 руб., а с 1 мая 2018 г. МРОТ установлен в размере прожиточного минимума и составил 11 163 руб. [1]. Но работник не располагает этой суммой, т.к. работодатель, на правах налогового агента, вычитает из этой суммы уплачиваемый им НДФЛ за работника. В связи с чем, установленный МРОТ в номинальной оценке обеспечивает прожиточный минимум работнику, а в располагаемой оценке — не обеспечивает, на величину уплачиваемого

НДФЛ. Причем покупки на рынке товаров и услуг работник осуществляет с учетом НДС. С позиции социальной справедливости и соблюдения прав работника, работник должен получать (отметим, не иметь начисление заработной платы) всю сумму МРОТ, которая покрывала бы законодательно установленные минимальные потребности работника [2].

Дискриминационным моментом введения нормы МРОТ выступает применение другой законодательной нормы дифференциации заработной платы и установление справедливости в оплате труда, это применение компенсационных выплат за работу в особых климатических условиях и в отдаленных районах. Законодатель определяет МРОТ как величину минимальной заработной платы, включающую в себя все виды оплат и доплат, предусмотренных организацией. В то же время, величина МРОТ, определенная для

регионов, не учитывает географические условия региона, где муниципальные образования региона могут находиться в разных климатических зонах и на различном удалении и, соответственно, иметь различные коэффициенты согласно ст. 146 ТК РФ. В этом случае применение МРОТ ущемляет интересы работников, попадающих под действие данного закона, тем, что величина их заработной платы не отличается или имеет не значительные отличия. А организации в целях соблюдения нормы закона изменяют систему оплаты труда, приводя ее к уровню МРОТ установленного в данном регионе.

Таким образом, регулирование конкурентных процессов на рынке труда путем нормирования минимальной оплаты труда нельзя назвать совершенным механизмом, а его применение требует реализации более гибких механизмов регламентации социально-трудовых отношений. Такими альтернативными механизмами могут выступать «расчет МРОТ от средней величины заработной платы по стране, дифференциация МРОТ по субъектам РФ» [1]. Несовершенство механизмов регулирования, посредством нормирования минимальной оплаты труда, приводит к усилению несовершенной конкуренции на рынке труда. Работодатели, представляющие как частный сектор экономики, так и государственный сектор, находят множество решений направленных на сокращение своих расходов по оплате труда, которые приводят к дискриминации работников в оплате труда, в частности в отношении к веденной норме МРОТ.

Несовершенное конкурентное поведение работодателей на рынке труда, состоящее в адаптации их к введению нормы МРОТ и преследованию своих коммерческих целей в минимизации расходов на производство, приводит к тому, что работники различного профессионально-квалификационного, образовательного уровня, а также территориального размещения, получают относительно друг друга не соизмеримую заработную плату, одни — больше, другие — меньше. Под воздействием несовершенной конкуренции со стороны работодателя дискриминационные явления, порождаемые

нормой МРОТ, усиливаются и имеют более глубокие социально-экономические последствия — это неравенство в распределении доходов работающего населения. Так уровень заработной платы работников с высшим образованием и среднетехническим образованием, по отраслям экономики и по регионам РФ имеет значительные отличия. А именно, работники со средне-специальным образованием в производственной сфере имеют уровень заработной платы значительно выше, чем работники с высшим образованием в сфере образования и науки. А как известно, процесс воспроизводства рабочей силы до уровня специалистов с высшим образованием, значительно затретен для общества, чем воспроизводство рабочей силы до уровня рабочих со средне-специальным образованием.

Анализ статистики показал, что за глубокой дифференциацией оплаты труда работников по отраслевому, территориальному и профессиональному признакам следует дискриминация работников по указанным признакам. В целом отечественный рынок труда характеризуется положительной динамикой в соотношении среднемесячной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума. Если в 2000 году данный показатель составил 158 %, то в 2018 году он составил 395 %. При этом отмечается существенное сокращение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Так в 2000 году доля такого населения составляла 29 %, а в 2018 году — 12,6 % (см. табл. 1). Анализ динамики показывает сохранение стабильности роста последних. На протяжении всего периода отмечается ежегодный рост соотношения среднемесячной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума, который в среднем составил 105,4 %, ежегодное сокращение доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляло в среднем 95,9 % (см. рис 1). Таким образом, с начала 2000 года отмечается тенденция к усилению в разрыве между средней заработной платой и прожиточным минимумом. Рост соотношения составил 150 % в 2018 году к 2000 году.

Таблица 1

Показатели доходов населения

Наименование показателей	янв.00	янв.01	янв.05	янв.09	янв.13	янв.17	янв.18
Соотношение среднемесячной начисленной заработной плате к величине прожиточного минимума, %	158	189	259	335	377	370	395
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	29	27,5	17,8	13,2	10,8	12,9	12,6

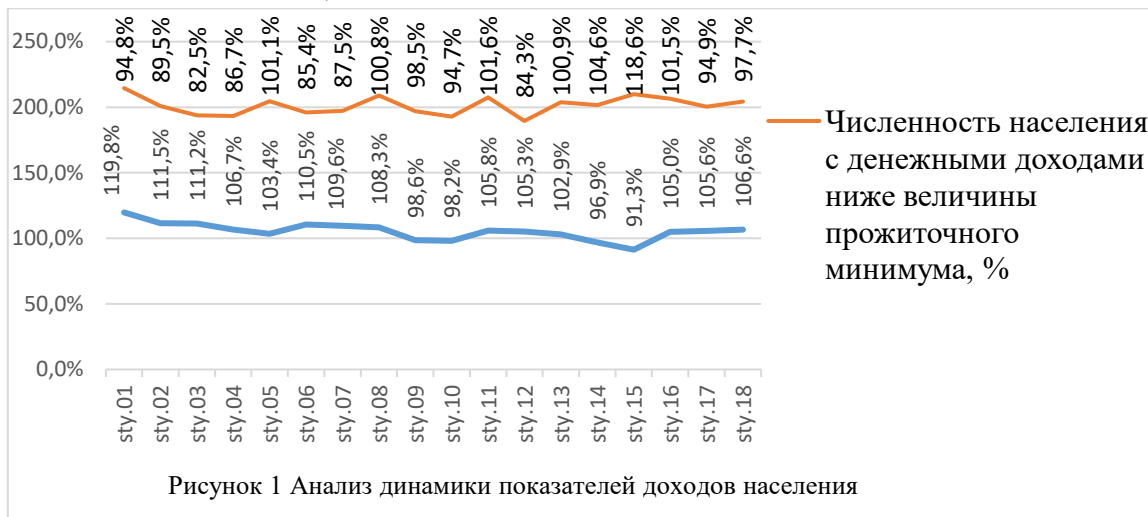

Рисунок 1 Анализ динамики показателей доходов населения

Анализ динамики соотношения среднемесячной начисленной заработной платы по видам экономической деятельности к величине прожиточного минимума (см. табл. 2) показал, стабильный рост по всем отраслям, но с различной интенсивностью. Так, по отраслям экономики, это сельское и лесное хозяйство, образование, деятельность в области здравоохранения и социальных услуг, предоставления прочих коммунальных услуг, с низкими уровнями заработной плат на начало 2000 года, отмечается высокий рост показателей соотношения на 2018 год, с приростом показателей на 270 %, 252 %, 281 %, 265 % процентов соответственно. Таким образом, присутствующий дискриминирующий механизм на начало 2000 года, когда работники сельской и лесной отрасли, работники образования, здравоохранения получали заработную плату меньше установленного прожиточного минимума,

к 2018 году изжил себя. Средний уровень заработных плат работников данных отраслей стал превышать прожиточный минимум в 2,59, 3,1, 3,62 раз, соответственно. Но на отечественном рынке труда по прежнему присутствует высокая дифференциации оплат труда. Рассмотрение соотношения средних уровней заработных плат к величине прожиточного минимума по добывающей отрасли, по энергетической отрасли, по государственному управлению и обеспечению военной безопасности, где данный показатель составляет 7,51, 4,29, 4,32 раза, соответственно, по сравнению с сельским и лесным хозяйством, образованием, здравоохранением, указывает на присутствие дискриминирующих элементов на отечественном рынке труда. А именно, кратность в уровнях заработных плат определяет различный доступ работников к общественным благам и услугам (см. табл. 2).

Таблица 2

Анализ динамики соотношения показателей средней заработной платы и прожиточного минимума по видам экономической деятельности

Наименование	янв.00	янв.01	янв.05	янв.09	янв.13	янв.17	янв.18	Прирост/убыль за период, %
в т.ч. сельское, лесное хозяйство	0,70	0,84	1,10	1,73	1,99	2,43	2,59	270%
в т.ч. добыча полезных ископаемых	4,22	5,32	5,97	6,36	6,86	7,04	7,51	78%
в т.ч. обрабатывающие производства	1,68	2,01	2,55	2,98	3,43	3,64	3,68	119%
в т.ч. производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,25	2,59	3,22	3,88	4,08	4,22	4,29	91%
в т.ч. строительство	1,88	2,26	2,74	3,26	3,51	3,19	3,48	85%
в т.ч. торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	1,13	1,34	1,98	2,87	2,93	3,04	3,20	184%
в т.ч. государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	1,93	2,19	3,32	4,31	5,12	4,11	4,32	124%
в т.ч. образование	0,88	1,07	1,64	2,39	2,97	2,86	3,10	252%
в т.ч. деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,95	1,15	1,79	2,66	3,10	3,02	3,62	281%
в т.ч. предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,10	1,35	1,91	2,71	3,13	3,61	4,01	265%

Анализ динамики соотношения среднемесячной начисленной заработной платы по занятиям (см. табл. 3) показал стабильный рост показателей по всем занятиям. Так, отмечается существенный прирост по занятию средним специальным персоналом в области правовой, социальной работы, культуры, спорта, который составил 237 % в 2017 году по отношению к 2005 году. Наибольшая кратность рассматриваемого показателя в 2007 году достигала по занятиям «Специалисты в области науки и техники», превосходство составило 3,79 раза, «Специалисты по информационным и коммуникационным технологиям» — 4,46 раза, «Специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры» — 3,3 раза, «Специалисты техники в области науки и техники» — 3,44 раза, «Средний специальный персонал по экономической и административной деятельности» — 3,2 раза. К 2017 году кратность показателей достигла по занятиям «Специалисты в области науки и техники» — 5,02 раза, «Специалисты в области здравоохранения» — 4,66 раза, «Специалисты в сфере бизнеса и администрирования» — 4,25 раза, «Специалисты

по информационным и коммуникационным технологиям» — 5,7 раза, «Специалисты техники в области науки и техники» — 4,55 раза, «Специалисты-техники в области информационно-коммуникационных технологий» — 4,17 раза. Таким образом, отмечается увеличение кратности рассматриваемых показателей, а также появляются новые занятости, по которым кратность показателей имеет большое значение. Одновременно с этим отмечаются занятости, по которым рассматриваемая кратность имеет 1,78 раза, это по занятости «Неквалифицированные рабочие». «Квалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства» — 2,22 раза. Аналогичный показатель отмечается по занятости «Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности» (см. табл. 3). Таким образом, отмечается дискриминация работников по занятости, состоящая в том, что работники различных профессиональных групп, в силу уровня своей оплаты труда, имеют различный доступ к общественным благам и услугам.

Таблица 3

Анализ динамики соотношения показателей средней заработной платы и прожиточного минимума по занятиям, (рублей)

Наименование	янв.05	янв.09	янв.13	янв.17	Прирост/убыль за период, %
специалисты в области науки и техники	3,79	4,65	4,99	5,02	32%
специалисты в области здравоохранения	2,94	3,90	4,99	4,66	58%
специалисты в области образования (научные и педагогические работники)	2,16	2,68	3,55	3,23	50%
специалисты в сфере бизнеса и администрирования (бухгалтера, финансы, маркетинг)	2,86	3,50	3,64	4,25	48%
специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)	4,46	4,70	4,90	5,70	28%
специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры (юристы, экономисты, психологи)	3,30	4,00	4,21	3,65	11%
специалисты техники в области науки и техники	3,44	4,00	4,39	4,55	32%
средний медицинский персонал здравоохранения и фармацевты	1,91	2,43	2,98	2,83	48%
средний специальный персонал по экономической и административной деятельности	3,20	3,42	3,34	3,35	5%
средний специальный персонал в области правовой, социальной работы, культуры, спорта и родственных занятий	1,00	1,65	2,02	3,38	237%
специалисты-техники в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)	0,00	0,00	0,00	4,17	
работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности (повара, официанты, пожарные, продавцы)	1,72	2,15	2,20	2,22	29%
квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	0,00	0,00	2,07	2,22	
квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта	2,86	3,24	3,54	3,43	20%
операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	3,02	3,36	3,54	3,54	17%
неквалифицированные рабочие	1,19	1,50	1,72	1,78	50%

Анализ динамики соотношения среднемесячной начисленной заработной платы по регионам РФ (см. табл. 4) показал, стабильный рост по всем регионам. Так отмечается существенный прирост по центральному ФО, Южному ФО, который составил 220 % и 150 % соответственно в 2017 году по отношению к 2005 году. Наибольшая кратность рассматриваемого показателя в 2000 году достигала по Уральскому и Дальневосточному ФО — 2,48 и 2,21 раза. Наименьшая кратность достигала по Южному и Приволжскому ФО — 1,05 и 1,27 раза. К 2018 году наибольшая кратность рассматриваемого показателя достигалась по Центральному, Северо-Западному, Уральскому и Дальневосточному ФО — 4,94 раза, 4,5 раза, 4,32 раза, 4,67 раза. Наименьшая кратность достигала по

Южному, Северо-Кавказскому, Приволжскому ФО — 2,89 раз, 2,45 раз, 2,89 раз. Таким образом, отмечается увеличение кратности превосходства средней заработной платы над величиной прожиточного минимума, а также происходит увеличение регионов РФ, по которым кратность показателей увеличивается и имеет большое значение. В тоже время имеются ряд регионов, в которых кратность рассматриваемого показателя значительно меньше, а значит, работники, проживающие и работающие в данных регионах, имеют меньший доступ к общественным благам и услугам. В чем, собственно, и выражается дискриминация работников по территориальному признаку.

Таблица 4

Анализ динамики соотношения показателей средней заработной платы и прожиточного минимума по занятиям, (рублей)

Наименование	янв.00	янв.01	янв.05	янв.09	янв.13	янв.17	янв.18	Прирост/убыль за период, %
РФ	1,58	1,89	2,59	3,35	3,77	3,70	3,95	150%
Центральный ФО	1,55	1,91	2,91	4,03	4,59	4,60	4,94	220%
Северо-Западный ФО	1,80	2,14	2,87	3,76	4,12	4,20	4,50	150%
Южный ФО	1,05	1,26	1,76	2,39	2,85	2,72	2,89	174%
Северо-Кавказский ФО	0,00	0,00	1,45	0,00	2,45	2,31	2,45	
Приволжский ФО	1,27	1,50	1,96	2,51	2,85	2,76	2,89	128%
Уральский ФО	2,48	3,02	3,54	4,00	4,40	4,16	4,32	74%
Сибирский ФО	1,61	1,86	2,46	2,99	3,34	3,19	3,42	112%
Дальневосточный ФО	2,21	2,51	3,49	4,16	4,76	4,63	4,67	111%

Таким образом, отставание величины прожиточного минимума и связанные с ним отставания МРОТ от величины средней заработной платы на институциональном уровне закрепляет присутствующий на отечественном рынке труда дискриминационный механизм по отраслевому, региональному, профессиональному признакам. А именно, уровень достатка семей и, соответственно, уровень жизни работников на прямую зависят от их отраслевой занятости в экономике, территориальной и профессиональной занятости. На основе имеющегося дискриминационного механизма на отечественном рынке труда выстраиваются несовершенные принципы конкурентного поведения работников, которые, адаптируясь к условиям рынка труда, а именно к уровню оплаты труда, выбирают высокооплачиваемые сферы деятельности и востребованные рынком труда профессии. Такой рыночный механизм регулирования социально-трудовых отношений приводит к несбалансированному воспроизводству рабочей силы и, как следствие, к ее дефициту или избытку.

Дискриминация состоит в том, что работники различных сфер деятельности, профессиональных групп и территориального местонахождения имеют несопоставимый доступ к материальным благам и услугам и, соответственно, не сопоставимый уровень жизни. Особенно это выражено в начале

2000 годов, и менее выражено в 2018 году. Причем, доступ работников к приемлемому уровню жизни ограничивается их профессиональной принадлежностью, отраслевой занятостью и территориальным местонахождением [3].

В связи с чем, нами отмечается необходимость в переосмыслении понятий прожиточного минимума и МРОТ, которые определяют необходимый минимум для воспроизводства рабочей силы. Те темпы роста МРОТ, которые отмечаются в 2018 и 2019 годах, не оказывают эффективного регулирующего воздействия на социально-трудовые отношения. Кратное превосходство среднего уровня заработной платы, даже по низкооплачиваемым отраслям экономики и сферам занятости работников указывает на неэффективность и бездейственность данного регулирующего механизма. Наличие регулирующих механизмов социально-трудовых отношений, как МРОТ и косвенно связанный с ним прожиточный минимум трудоспособного населения, которые в стоимостной оценке кратко ниже среднего уровня заработных плат работников, закрепляет на институциональном уровне дискриминацию работников в оплате их труда, что порождает несовершенное конкурентное поведение работников и работодателей, состоящее в приспособлении последних к существующей рыночной конъюнктуре. Это, в свою очередь,

приводит к неконкурентоспособности одних работников, как правило, это многочисленная группа, и конкурентоспособности других работников, как правило, это малочисленная группа. Следствием неконкурентоспособности работников на отечественном рынке труда становится несбалансированность воспроизводства рабочей силы.

Список литературы

1. Крапивин Д.С. Проблемы применения минимального размера оплаты труда: общие и специфика для регионов российской Арктике / Д.С. Крапивин // Вектор экономики. 2018. № 10 (28). С. 47

2. Ивченко М.С. Минимальная оплата труда: справедлив ли ее размер / М.С. Ивченко // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3 (99). С. 33–36

3. Кравцевич С.В. Факторы влияния несовершенной конкуренции на социально-трудовые отношения : монография / С.В. Кравцевич. — Москва : РУСАЙНС, 2020. — 306 с.

4. Смирных Л.И. Срочные трудовые договоры: влияние на движение рабочей силы и рабочих мест / Л.И. Смирных // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4 (194). С. 28–36

УДК 37.013.75

ГРНТИ 14

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Курбатов Всеволод Андреевич

Издательский дом "АСТ-ПРЕСС ШКОЛА",

г. Москва,

методист по географии

PROVISION OF GEOGRAPHY COMPETENCE AIMED TO ATTAIN THE GOALS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Kurbatov Vsevolod Andreevich

Publishing house "AST-PRESS SHKOLA",

Moscow,

Methodist - Counselor in Geography

DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.41.26

Аннотация. Недостаточная эффективность мер, направленных на предотвращение экологического кризиса, обосновывается аналитиками сложностью согласования действий между субъектами мировой экономики, а также ростом неопределенности, вызываемой трудоемкостью анализа больших объемов данных и "размытостью" представлений о базовых терминах устойчивого развития. Ускорение изменений условий жизни приводит к повышению темпов морального старения профессий, что затрудняет процесс прогнозирования перечня "новых профессий", востребованных в интеллектуальной экономике будущего, а также ключевых компетенций, необходимых для вывода экономики из состояния прогрессирующей стагнации и предотвращения необратимых потерь от углубления экологического кризиса. Поэтому образовательная инициатива Всемирного экономического форума Давос-2020, предусматривающая подготовку одного миллиарда специалистов, владеющих "новыми профессиями", и обеспечения их работой требует инновационных подходов к проектированию образовательных систем. В частности, применение системно-синергетического синтеза реальности, разработанного в СССР в восьмидесятых годах прошлого века, доказало эффективность применения ценностно-смыслового проектирования для решения подобных задач. Статья посвящена анализу причин роста неопределенности и решению проблемы на основе системы ценностно-смыслового образования, формирующего уровень географической компетенции, необходимый для достижения целей устойчивого развития ООН.

Abstract. A lack of efficiency of the measures, aimed at prevention of the ecological crisis, is related by the analysts to the difficulty in coordination of actions between the subjects of the global economy, as well as to the growing uncertainty, resulting from the high labor intensity in big data analytics and the 'vagueness' in perception of basic terms of sustainable development. The acceleration of the process of change of living conditions leads to increased velocity of obsolescence of professions, that makes it difficult to predict, which 'new professions' will be listed as marketable in the intellectual economy of the future, along with the key competencies, required to overcome the progressive economic crisis and prevent the irreversible losses, caused by deepening ecological crisis. Accordingly, the educational initiative of the World Economic Forum in Davos 2020, aimed to provide for preparation of one billion of specialists, qualified for 'new professions', and creating employment opportunities for them, requires the use of innovative approaches in designing educational systems. In particular, the use of the system-synergy synthesis of reality, developed in the USSR in the 80s of the last century, has proved the efficiency of using the value-sense project planning for solving such problems. The article is dedicated to the analysis of

causes of the growing uncertainty and to the solution of the problem, based on the system of the value-sense education, forming the level of geography competence required for attaining the goals of sustainable development set by UN.

Ключевые слова: глокализация, геоэкономика, коэволюция, геокомпетентность, ценностно-смысловая компетентность, биотехносфера, устойчивое развитие, информационный бум, экологический кризис, система ценностно-смыслового образования.

Key words: glocalization, geoeconomy, coevolution, geocompetence, value-semantic competence, biotechnosphere, sustainable development, information boom, ecological crisis, the system of value-semantic education.

Начало третьего тысячелетия характеризуется тревожной тенденцией обострения проблем мировой экономики. На очередном Всемирном экономическом форуме в Давосе, проводившемся с 20 по 24 января 2020 года, "пессимизм мирового бизнеса по поводу мировой экономики вырос до рекорда" [12]. По данным Аудиторско-консалтинговой сети PwC доля субъектов глобальной экономики, ожидающих замедления в 2020 году, выросла с 29% (2019 г.) до 53%. Президент PwC Боб Мориц отметил масштаб и скорость эскалации проблем мировой экономики. Ежегодный доклад ВЭФ свидетельствует о том, что впервые в истории экологические риски заняли первое место по их потенциальному воздействию и вероятности в долгосрочной перспективе. Эксперты обеспокоены изменениями климата и ущербом, наносимым окружающей среде. Риск неопределенности в оценке экономического роста 2020 года занимает третью позицию в списке основных угроз.

Таким образом, мы являемся свидетелями подтверждения долгосрочных прогнозов, опубликованных во второй половине XX века, о неизбежности экономического кризиса в начале XXI столетия в связи с тем, что скорость научно-технического прогресса опережает темпы осмысления человечеством его результатов. Это приводит к снижению качества принимаемых решений и тенденции роста количества ошибок, потери от которых могут привести к необратимым деструктивным процессам, угрожающим существованию цивилизации.

Согласно последним данным МВФ, представленным директором-распорядителем Кристалиной Георгиевой, мировая экономика рискует вернуться в эпоху Великой депрессии, а современная ситуация напоминает "бурные 1920-е годы", которые привели к краху финансового рынка [3]. Упомянув проблему изменения климата, глава МВФ высказала мнение, что главной темой начала нового десятилетия является увеличение неопределенности. Необходимо отметить, что проблема роста неопределенности находится в центре внимания мировой научной мысли, начиная со второй половины XX века.

Некоторые закономерности нарастания побочных эффектов научно-технического прогресса были описаны американским социологом и футурологом, членом Международного института стратегических исследований и Американской ассоциации развития науки Э. Тоффлером, одним из авторов

Концепции постиндустриального общества. Цикл его работ представляет особый интерес, поскольку позволяет проследить историю развития проблемы неопределенности от "Шока будущего" (1970 г.) до "третьей волны" (1980 г.), "Метаморфоз власти" (1990 г.) и "Революционного богатства" (2006 г.).

Основные идеи Э. Тоффлера перекликаются с идеями В.И. Вернадского, русского ученого-естествоиспытателя, лауреата Сталинской премии I степени. После его лекций по геохимии, прочитанных в Сорбонне в 1922-1923 гг., профессор математики Сорбонны Эдуард Леруа предложил термин ноосфера. До настоящего момента в мировой науке не сформировано однозначного понимания этого термина, что естественно порождает разные трактовки, отношение к которым варьируется от восторженного до остро критического. Л.И. Плотникова считает, что различные экспликации ноосферы, которые потом приписывали В.И. Вернадскому, игнорировали многозначность и многоаспектность категории ноосферы и не вполне корректно редуцировали ее к какому-либо однозначному смыслу [14]. Сравнительный анализ смысловых интерпретаций, употреблявшихся различными авторами, позволяет определить сходства и различия, знание которых необходимо для организации экономической деятельности, обеспечивающей устойчивость развития. Сам В.И. Вернадский признавал антропогенную деятельность "мощной геологической силой" [2]. Современные экологи, употребляя термин "ноосфера", имеют ввиду, прежде всего, необходимость решения того комплекса проблем, который вызывает давление бурно развивающейся техносферы на биосферу, являющуюся важным элементом среды обитания человечества. По различным оценкам человек эксплуатирует уже более половины суши, изменяя структуру земной поверхности, увеличивая скорость сведения лесов, выброс вредных веществ в атмосферу и сброс в водные объекты, меняя состав биосферы, круговорот и баланс слагающих ее веществ, влияя на энергетический баланс, биоту так, что в целом нарушает основные принципы естественного устройства биосферы, создавая угрозу для всей планеты.

Таким образом, не вызывает сомнения, что антропогенный фактор сформировал новое состояние природы - биотехносферу, в которой существуют живые организмы и созданные человечеством технологические объекты (техносфера), взаимодействие которых далеко не

всегда носит комплиментарный характер и оказывает благоприятное влияние на внешнюю среду. Основная опасность заключается в том, что биотехносфера не является самоуправляющейся, самоорганизующейся и саморазвивающейся системой в отличие от биосферы. Человек в основном управляет техносферой, преследуя, как правило, цели повышения комфортности своего существования и не оценивая адекватно угроз существованию, существованию, создаваемых уничтожением естественной среды обитания. Неадекватность оценок объясняется двумя основными факторами, которые были выявлены А.В. Курбатовым - инерция мышления, обусловленная устаревшими представлениями о состоянии планеты и потерей чувства опасности в связи с тем, что ранее пренебрежение оценками влияния деятельности субъекта на состояние экологии не мешало ему добиваться успеха в получении прибыли и не приводило к всеобщей планетарной катастрофе [5]. В современной стадии формирования постиндустриального общества субъект экономической деятельности оказывается способным оказать значимое воздействие на условия своего существования, но не способен адекватно оценить последствия (в том числе гибельные) этого воздействия на состояние среды своего обитания! Тем более, он не в силах оценить результирующее (интегративное) воздействие всех субъектов экономики на качество среды их совместного обитания. Именно поэтому техносфера расходует энергию, биомассу и кислород биосферы, превышая ее возможности к восстановлению. Данная тенденция является одним из аргументов пессимистического прогноза авторитетных ученых различных стран, который можно выразить цитатой: "Вероятность самоуничтожения человечества непрерывно возрастает" [9].

В статье "Несколько слов о биосфере" В.И. Вернадский за год до своей смерти привел доказательства необходимости поменять отношение к разумной деятельности человека как только к его "внутреннему" делу и рассматривать человечество и природную среду как единую систему - ноосферу [2]. Современные исследователи считают, что "человечество сможет выжить только если сумеет преобразоваться" [9]. Очевидно, на основании данных предпосылок можно сделать вывод, что для предотвращения самоуничтожения человечества ноосфера должна обеспечивать гармонию развивающегося общества и изменяемой природы, рассматриваемых как единое целое. Остается открытым вопрос: каким образом можно обеспечить гармонию развивающегося общества и изменяемой природы. Опираясь на принцип практической уверенности, можно сделать вывод о том, что необходимость перехода к новой системе общественных отношений признает значительное количество субъектов международных отношений. Однако из-за недостаточного распространения информации о возможных вариантах творческой конструктивной

деятельности в настоящее время наибольшее распространение получила стратегия введения системы жестких ограничений. Признавая необходимость и полезность системы обоснованных ограничений, следует отметить, что ограничения сами по себе не могут обеспечить развития, а значит и безопасности. Опоздание с принятием решения о переходе на новый технологический уровень не менее опасно, чем нарушение предельно допустимых значений воздействия на биосферу.

В.И. Вернадский утверждал, что функцией биосферы является существование человека. Однако исторический анализ отношений "человек - природа - общество" свидетельствует, что форма существования не может не изменяться, а изменения могут носить характер либо деградации, либо развития. Под влиянием избыточного числа ограничений процесс деградации может ускориться и самоуничтожение человечества из вероятностного процесса перейдет в детерминированный. Вопрос о том, как именно должен осуществляться процесс ноогенеза, ведущего к развитию (совершенствованию), а не деградации единой системы "человек - природная среда", порождает в мировом научном сообществе множество противоречивых ответов. Одна из распространенных точек зрения основывается на утверждении о принципиальной невозможности создать ноосферную регуляцию среды с эффективностью, равной биологической. Пессимизм этой группы исследователей основан на убеждении о том, что даже самые совершенные энергетические, экологические, абсолютно безотходные технологии не обеспечат подверженности окружающей среды неконтролируемым биотой флуктуациям, разрушающим ее до несовместимого с жизнью человечества состояния. Другие разделяют оптимизм академика Н.Н. Моисеева, высказывавшего мнение, что "эпохой ноосферы следует называть тот этап антропогенеза, когда человечество окажется способным реализовать режим коэволюции человека и биосферы". Термин "коэволюция" был введен Н.Н. Моисеевым в связи с тем, что он считал термин "устойчивое развитие" не вполне удачным переводом названия концепции "sustainable development", предложенной в 1992 году в Рио-де-Жанейро на международном конгрессе [10].

Существует также точка зрения, что меры, предлагаемые для решения этой задачи, не могут обеспечить устойчивого развития и потому название "sustainable development" не вполне отвечает требованиям сложившейся ситуации.

Критическое отношение Никиты Николаевича Моисеева к данному переводу (или исходному термину) объяснялось именно тем обстоятельством, что развитие невозможно обеспечить только отрицательными обратными связями, такими как "запреты на заведомо разрушительную деятельность". Как математик он считал отрицательные обратные связи

необходимым, но не достаточным условием, "поскольку именно положительные обратные связи и являются ключом к развитию системы". Поэтому стратегию, предложенную в 1992 году и получившую известность как "устойчивое развитие", он считал шагом к "коэволюции человека и биосферы" как "развитию общества, приемлемому для сохранения экологической ниши человека, а, значит, и условий для развития цивилизации" [Моисеев]. Необходимо отметить распространенное мнение, что "Концепция коэволюции возникла у Дарвина в 1830 годах". При этом коэволюция понимается не только как процесс, при котором два или более видов живых организмов могут "медленно, одновременно или по очереди, изменяться и приспосабливаться друг к другу самым идеальным образом, путем регулярного сохранения особей, представляющих взаимные и в чем-то благоприятные отклонения в строении", но и как средство, которое "легко может превратить виды во врагов, настроенных друг на друга" [16]. В трудах Тоффлера, Вернадского, Моисеева и их последователей отмечается сходство в негативном отношении к антагонистическим отношениям в обществе людей и признании "необходимости исключения войн из жизни человечества". Неоднозначность трактовки терминов в вопросах безопасности может привести к нежелательным и необратимым последствиям. Поэтому Н.Н. Моисеев считал, что само понятие коэволюции природы и человека "требует тщательной расшифровки или точнее системы исследований". Пользуясь распространенным в настоящее время термином, можно сказать, что Вернадский, Тоффлер, Моисеев и их последователи и единомышленники ставили задачу гармоничной трансформации индустриальной экономики в интеллектуальную.

Исследования устойчивости биосферы к воздействиям техносферы, выполненные с помощью компьютерных моделей с целью оценки границ применимости принципа Ле-Шателье-Брауна, показали, что в некоторых случаях биосфера не возвращалась в исходное (или близкое к исходному состояние). При этом превышение порога устойчивости и переход в новое состояние может произойти "в результате незначительных, но постоянно действующих воздействий, что представляется особенно опасным... поскольку исключит возможность разумной жизни на планете". Судя по интенсивности увеличения публикаций, посвященных угрожающим темпам развития экологического кризиса, человечество вплотную приблизилось к одному из таких порогов устойчивости, но большинство не придает адекватного значения происходящему и главное не меняет стратегии своих действий из-за отсутствия необходимых знаний или нежелания их применять. В обоих случаях источником проблем признается инерция воздействия морально устаревшей системы образования, создававшейся в период индустриализации и предназначавшейся для обеспечения потребностей развития техносферы.

Понимание опасности этого фактора получило широкое признание в конце 60-х годов прошлого века, после публикации исследований Ф. Кумбса "Кризис образования в современном мире" [4].

Осознание опасности отставания темпов развития систем образования от скорости изменения условий жизни общества послужило серьезным стимулом поиска способов реформирования и модернизации систем образования, но принципиально новая "Антикризисная модель образования" в экспериментальном варианте была создана в СССР накануне его распада в 1990 году и после успешной 20-летней государственной апробации была признана "Жемчужиной российского образования" на Всероссийском форуме образовательных инноваций в 2009 году [11]. К сожалению, модель не получила широкого распространения из-за смены российской государственной образовательной политики. Курс на устойчивое развитие творческой, гармонично развитой, социально ответственной личности, провозглашенный Всесоюзным съездом работников народного образования в 1988 году, был изменен министром образования и науки А. Фурсенко в 2007 на образование квалифицированного потребителя. Однако после принятия Национального проекта "Образование" в 2019 году в российской образовательной политике вновь наметилась тенденция к позитивным изменениям, что открывает перспективы решения задачи гармонизации отношений человек - природа - общество на основе распространения системы непрерывного образования, обеспечивающей уровень географической компетентности, необходимый для достижения качества принятия решений, позволяющего обеспечить устойчивость природосообразного социально-экономического развития.

Обеспечение необходимого уровня географической компетентности требует решения как проблем общего порядка, обусловленных вызовами информационного постиндустриального общества, так и специфических, создаваемых растущими темпами изменения состояния планеты под воздействием антропогенного фактора. К проблемам общего порядка в первую очередь следует отнести неопределенность, создаваемую темпами увеличения информации. В XXI веке по опубликованным данным за каждые 5 лет производится информации больше, чем за всю предыдущую историю человечества, а общий объем возрастает на 30%. По данным IDC к 2020 году цифровая вселенная достигла объема 40 зеттабайт, что в 57 раз больше, чем количество песчинок на всех пляжах планеты. Причем используется лишь ничтожная доля этого объема. Это означает, что на данном этапе потенциальные возможности использования информации практически неограниченны, а направленность этого потенциала на конструктивные или деструктивные программы контролировать по существу невозможно. Если согласиться с

представлением о знаниях как способности человека применять информацию в работе, то по опубликованным оценкам от начала нашей эры до 1750 года произошло первое удвоение знаний, второе состоялось к 1900 году, а третье к 1950. При этом объем информации в первой половине прошлого века вырос на порядок! Прогнозируемое увеличение объема данных к 2025 году - свыше 163 зеттабайт!

Учитывая, что, несмотря на огромное количество различных определений информации, существует общее мнение о том, что она производится, передается или потребляется в целях снижения уровня неопределенности при оценке последствий принимаемых решений, можно констатировать наличие парадокса - методология производства передачи и потребления информации, сложившаяся в процессе культурно-исторического развития человечества увеличивает неопределенность и не позволяет обеспечить устойчивость развития цивилизации! Действие этого парадокса в области экологии и географии проявляется, в частности, в огромном количестве недостоверных, непроверенных данных в общем информационном поле. Интенсивное потребление природных ресурсов вызывает быстрое изменение состояния планеты, поэтому реализация даже первой парадигмы географии - "Описания Земли" становится все сложнее. А крылатая фраза Н.Н. Баранского "От карты всякое географическое исследование исходит и к карте приходит, с карты начинается и картой заканчивается" приобретает на практике более общую сильную и парадоксальную интерпретацию: "Всякое исследование требует уточнения карты, которое никогда не заканчивается"! Так что вторая парадигма географии - "Открытие Земли" теперь касается не только изучения недосыгаемых прежде объектов, таких как дно Северного Ледовитого океана в районе Северного полюса, на которое российские специалисты осуществили погружение в 2005 году, но и ранее освоенных, а ныне до неузнаваемости изменившихся или оставленных территорий и объектов, по существу снова перешедших в статус "Terra incognita", но формально, считающихся изученными. Современная скорость изменения различных аспектов состояния планеты, изучаемых географическими науками, такова, что опираться на данные опубликованных карт без дополнительной проверки, значит рисковать не только эффективностью, но и безопасностью проекта. Не случайно на федеральном уровне признается, что "в настоящее время состояние государственного картографо-геодезического фонда Российской Федерации, его полнота, доступность и оперативность предоставления заинтересованным лицам информации по наличию материалов и данных в фондах, а также непосредственно самих материалов и данных, не соответствуют современным требованиям". Аналогично оценивается эффективность государственного регулирования деятельности в области геодезии и картографии, от которой во

многое зависит достоверность, точность и качество картографической продукции. Анализ применяемых методов государственного регулирования позволяет установить, что "в настоящее время сертификация государственных топографических карт, учебной картографической продукции не осуществляется". Законодательством не определен порядок реестрового учета субъектов, занимающихся деятельностью в области геодезии и картографии, что приводит к повышению коррупционных рисков. Кроме того, эксперты не исключают публикации заведомо "заказных" результатов ангажированных исследований, направленных на дезориентацию общественного мнения относительно безопасности некоторых видов хозяйственно-экономической деятельности. Примером могут служить разногласия между сторонниками и противниками концепции потепления климата.

Таким образом, ни международное, ни российское государственное регулирование не позволяют обеспечить полноту и достоверность картографической информации до уровня, позволяющего принимать решения, надежно обеспечивающие устойчивость развития цивилизации. При этом потребность в наращивании интенсивности социально-экономического развития закономерно возрастает. В частности, к июню 2020 года планировалось подготовить предложения о "мерах по повышению конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации, с учетом перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации"[13].

Это означает, что третья парадигма географии - "Освоение Земли" по-прежнему остается актуальной, но угроза необратимого разрушения геосистемы в результате "освоения" с применением современных технических средств возрастает, а четвертая парадигма - "Обустройство Земли" находится в стадии формирования и не обладает достаточным арсеналом средств обеспечения устойчивого развития, что в условиях потери чувства опасности может привести к планетарному катаклизму. Примечательно, что процесс поиска возможностей решения данной проблемы привел к появлению термина "глокализация" и геоэкономической парадигмы научных исследований, однако их практическое применение не получило распространения из-за "системного кризиса образования в современном мире" [4]. Проблема заключается в том, что система образования, сложившаяся до наступления "информационного бума", принципиально не способна подготовить человека, семью, человечество и любого другого субъекта экономических, политических или общественных отношений к определению своего места в информационном обществе.

Стремительное изменение условий жизни требует еще более интенсивного изменения

представлений о научных категориях, а необходимых для этого компетенций "индустриальная" система образования не формирует, что приводит к опасному запаздыванию процесса распространения актуальных для "устойчивого развития" технологий в практику и, в конечном счете, к углублению экологического кризиса до степени, достаточной для радикального изменения состояния планеты. В частности, исследователи глобализации считают, что ни одна трактовка этого термина не может считаться окончательной или всеобъемлющей и признают необходимость ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ [17].

Аналогичная ситуация сложилась на всех направлениях актуального развития. Например, "в российском научном дискурсе сложились различные представления о геоэкономической парадигме научных исследований" [1]. Сколько времени потребуется на ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ, если пользоваться "доинформационной" парадигмой организации научных исследований? Достаточны ли темпы и качество ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ для предотвращения геоэкологической катастрофы? И, наконец, главное - можно ли повысить эффективность, своевременность и качество ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ до уровня, соответствующего требованиям третьего тысячелетия? Ответ на этот основной вопрос нашего миллениума дает ценностно-смысловая парадигма научных исследований [7]. Отличительной особенностью данной парадигмы является приоритетная организация исследования влияния интерпретации смысла термина на результативность практической деятельности. Компетентность, обеспечивающая решение данной задачи, получила название ценностно-смысловой. Система образования, формирующая ценностно-смысловую компетентность в любой области деятельности, доказала свою эффективность в процессе 20-летнего государственного эксперимента, проведенного в России с 1990 по 2010 год [6]. В частности, для обеспечения возможности массового тиражирования образовательных систем, обеспечивающих формирование географической компетентности, достаточной для достижения целей устойчивого развития, был разработан и внедрен в практику учебный план, позволяющий освоить навыки гармонизации программ развития территории локации субъекта экономической деятельности с состоянием экологии планеты по данным космического мониторинга. Основная цель программы - обеспечить возможность общего для жителей Земли образования, позволяющего каждому осуществлять мониторинг состояния экологии района своего проживания или экологической деятельности, соотносить результаты локального мониторинга с оценкой состояния планетарной экосистемы и на основе результатов сравнительного анализа планировать локальную экономическую деятельность, положительно влияющую как на локальную, так и

на глобальную ситуацию. В целях получения актуальной информации о состоянии экосистемы планеты на здании учебного центра были установлены антенны, принимающие сигналы с космических аппаратов Министерства чрезвычайных ситуаций, осуществляющих постоянный мониторинг земной поверхности и состояния атмосферы [14]. Расшифровка полученных данных осуществлялась с помощью компьютеров образовательного центра и на основе анализа динамики состояния экосистемы Земли за период длительных, среднесрочных и краткосрочных наблюдений параметров на "текущий" момент, проводилась разработка экономико-экологических программ развития территории локации учебного центра, положительно влияющих как на местные условия так и на устойчивость геоэкологии. Реализация данных программ позволила ликвидировать зону экологического бедствия, образовавшуюся в результате неконтролируемого использования природного грунта при строительстве крупного промышленного объекта, восстановить и значительно улучшить растительный покров локальной территории, освоить производство экологических модулей для жилых, учебных и производственных помещений, но главное, сформировать ценностно-смысловую географическую компетентность, позволяющую добиваться успеха в реализации локальных геоэкономических программ, положительно влияющих на устойчивость развития геоэкологии.

Учитывая актуальность достижения целей устойчивого развития ООН и необходимость консолидации усилий для предотвращения экологической катастрофы, о которой говорилось на Всемирном экологическом форуме-2020, представляется целесообразным распространение системы ценностно-смыслового образования, позволяющего формировать географическую компетентность, необходимую для реализации целей устойчивого развития [8]. Рост числа жителей планеты, обладающих необходимым уровнем географической компетентности, позволит обеспечить закономерное повышение результативности мер, направленных на достижение целей устойчивого развития.

Список литературы

Белоусов В.М., Лубский А.В. Геоэкономическая парадигма научных исследований // Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Южный федеральный университет": Terra Economicus. - Т. 11, № 4, ч. 3. - 2013. - С. 10-17. [Belousov V.M., Lubsky A.V. Geo-Economic paradigm of scientific research //Federal state Autonomous educational institution of higher professional education "Southern Federal University": Terra Economicus, vol. 11(4-3), 2013. - P. 10-17. (In Russ).]

Вернадский В.И. Несколько слов о биосфере. [Vernadsky V.I. A few words about the biosphere. (In

- Russ).] URL: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/noosfera-vernadskogo.html>
- Глава МВФ увидела возвращение мировой экономики к Великой депрессии. [The head of the IMF saw the return of the world economy to the great depression.] URL: https://www.rbc.ru/economics/18/01/2020/5e22d45c9a7947ad7e9a4500?from=materials_on_subject
- Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ. – М., 1970. [Coombs F.G. The Crisis of Education in the Modern World: System Analysis. - M., 1970.]
- Курбатов А.В. Плата за миф // Журнал «Экономика в школе» № 2. - М.: Высшая школа экономики, 1998. [Kurbatov A.V. Payment for the myth // Journal "Economics at school" # 2. - Moscow: Higher school of Economics, 1998. (In Russ).]
- Курбатов А.В., Курбатова Л.А., Курбатов В.А., Капируля Н.А. Становление ценностно-смысловой системы образования // М.: Перо, 2019 г. - 357 с. ISBN 978-5-00150-680-5 [Kurbatov A.V., Kurbatova L.A., Kurbatov V.A., Kapirulya N.A. The Formation of the Value-Semantic System of Education // M.: Pero, 2019 - 357 p. (In Russ).] ISBN 978-5-00150-680-5
- Курбатов А.В., Курбатова Л.А. Система ценностно-смыслового образования интеллектуальной экономики устойчивого мира // Евразийский союз ученых (ЕСУ) №3 (72), 2020, ч 4. - С. 17-32. [Kurbatov A.V., Kurbatova L.A. The System of Value-Semantic Education in the Smart Economy of a Sustainable World // Eurasian Union of Scientists (ESU) No. 3 (72), 2020, h 4. - P. 17-32. (In Russ).] DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.72.643
- Курбатов В.А., Парницына-Курбатова Н.А. Экология души. – М.: Первое сентября. Сер. Здоровье детей. 2008. № 22 (368). [Kurbatov V.A., Parnitsyna-Kurbatova N.A. Ecology of the soul. - Moscow: First of September, Ser. Children's health. 2008. № 22. (In Russ).]
- Лужков Ю.М. Возобновление истории: Человечество в XXI в. и будущее России / М.: МГУ, 2002. - 198 с. [Luzhkov Yu.M. Renewal of history: Humanity in the XXI century and the future of Russia / Moscow: MSU, 2002, 198 p. (In Russ).]
- Моисеев Н.Н. Концепция коэволюции // Основы биологической экологии. [Moiseev N.N. The concept of coevolution // Fundamentals of biological ecology.] URL: <https://studopedia.ru>
- Парницына-Курбатова Н.А. Антикризисная модель образования // Российско-американский форум образования: электронный журнал. Volume: 1, Issue: 3, 15.12.2009. [Parnitsyna-Kurbatova N.A. Anti-crisis model of education // Russian-American forum of education: an electronic journal. Volume: 1, Issue: 3, 15.12.2009. (In Russ).]
- Пессимизм мирового бизнеса по поводу экономики вырос до рекорда. [Global business pessimism about the economy has risen to a record.] - URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/01/2020/5e25d4949a794718dc79df55>
- План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 3227-р. [The plan for the implementation of the spatial development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 was approved by decree of the Government of the Russian Federation No. 3227-R of December 27, 2019. № 3227-p.] URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokument_y/plan_realizacii_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_a_rf_na_period_do_2025_goda.html
- Плотникова Л.И. Учение о ноосфере как идеальный проект гармонизации социоприродного взаимодействия: дис. докт. фил. наук: 10.02.01 // Белгородский государственный университет, 2004. - 374 с. [Plotnikova L.I. The Doctrine of the noosphere as an ideal project for the harmonization of social and natural interaction: PhD dissertation: 10.02.01 // Belgorod state University, 2004. - 374 p. (In Russ).] URL: <https://www.dissercat.com/content/slovotvorchestvo-kak-fenomen-yazykovoi-lichnosti-porozhdenie-funktsionirovanie-uzualizatsiya>
- Учимся географии (об опыте работы педагогической династии Курбатовых и Центра образования №1804 "Кожухово") / Ред. журнала "Русский первопроходец" // М.: Журнал "Русский первопроходец" №1, 2010. [Learning geography (about the experience of the Kurbatov pedagogical dynasty and the education Center No. 1804 "Kozhukhovo" // Moscow: Russian pioneer, Journal #1, 2010. (In Russ).]
- Циммер К. Эволюция: Триумф идеи. 7-е изд. - М.: Альпина нон-фикшн, 2018. - 564 с. [Zimmer K. Evolution: the triumph of an idea. 7th ed. / Moscow: Alpina non-fiction, 2018. - 564 p. (In Russ).] ISBN: 978-5-91671-870-6
- Victor Roudometof. Glocalization: A Critical Introduction. - Routledge, 2016-06-10. - 229 с. ISBN 9781317936282.

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АПК КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Саакян Анна Александровна

*аспирант кафедры экономики региона,
отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»*

Агропромышленный комплекс является одной из важнейших отраслей экономики Российской Федерации. Более того, в связи с напряженной политической обстановкой, а также введением экономических санкций роль агропромышленного комплекса возросла.

Рассматривая современное состояние агропромышленного комплекса Российской Федерации, в частности Краснодарского края, стоит отметить, что обеспечение экономического роста на данном этапе практически невозможно без государственной поддержки и контроля. Главной причиной трудностей в развитии АПК являются ограниченные собственные финансовые ресурсы, необходимые для саморазвития отрасли. Кроме того, эффективное развитие отрасли затрудняется следующими факторами:

- использование устаревших технологий производства и переработки продукции;
- консервативность и ограниченные возможности отрасли к адаптации в новых условиях хозяйствования;
- наличие фактора сезонности в производственном процессе;
- низкая рентабельность в отдельных сферах агропромышленного комплекса.

В настоящее время государством в нашей стране осуществляется более 30 различных видов поддержки сельхозтоваропроизводителей [2]. Рассматривая виды государственной поддержки агропромышленного комплекса, следует отметить, что одним из основных ее направлений в настоящее время является разработка и реализация государственных и региональных программ, направленных на развитие и поддержку села. Данные программы предполагают использование как прямой (финансовая поддержка сельхозтоваропроизводителей), так и косвенной поддержки (привлечение инвестиций в отрасль, помощь в восстановлении оборотных средств предприятий, устранение (в том числе) посредников в цепочке контрагентов, изменение условий кредитования сельскохозяйственных организаций и др.) [6]. Помимо этого государственная поддержка АПК Российской Федерации в настоящее время представлена следующими инструментами:

- налоговое стимулирование;
- непосредственная финансовая помощь сельхозтоваропроизводителям, в том числе погектарная поддержка, субсидирование долгосрочных кредитов;
- поддержка начинающих фермеров (в том числе гранты до 1,5 млн. руб. на создание хозяйств и субсидирование первого взноса по лизингу сельхозтехники) [3].

Развитие сферы АПК была и остается приоритетной задачей администрации Краснодарского края. Благодаря личному участию главы региона Вениамина Кондратьева аграрии Кубани сегодня могут рассчитывать на мощную господдержку.

«Мы выходим на совершенно новые обороты в сфере сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Продолжаем не только полностью обеспечивать самих себя, но и кормить всю страну и знакомить с кубанскими продуктами новых зарубежных партнеров», – отмечает губернатор. [8]

За последние пять лет на Кубани были разработаны и введены в работу следующие гранты и программы поддержки:

— В 2017 году на Кубани стартовали две программы поддержки сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК), в том числе уникальная программа, действующая только на территории Краснодарского края — поддержка СПоКов, работающих менее 1 года.

— В 2018 году была разработана и начала действовать программа «Малый сад».

— С 2019 года начали действовать две новые формы поддержки — «Агростартап» и субсидирование затрат реализованной продукции и приобретаемого имущества СПоКа.

Помимо перечисленных программ продолжается активное субсидирование малых форм хозяйствования. В 2020 году на субсидии было выделено 537,5 млн рублей.

Сельское хозяйство — исторически одна из основных сфер деятельности на Кубани. Сегодня она переживает второе рождение. Кроме климатических особенностей и благоприятного географического положения, развитию аграрного комплекса способствует господдержка. Быть фермером в 2020 году — значит иметь возможность развивать свое дело в комфортных условиях. [7]

За последние пять лет для развития сельского хозяйства на Кубани было сделано следующее:

— 233 крестьянских (фермерских) хозяйства (КФХ) получили гранты на поддержку начинающих фермеров (335,9 млн рублей). Это помогло создать не менее 190 рабочих мест.

— 60 КФХ получили гранты на развитие семейных животноводческих ферм (844,6 млн рублей). Благодаря этому появилось около 400 рабочих мест.

— 236 КФХ получили грант «Агростартап» (104,2 млн рублей).

— 46 КФХ получили грант «Малый сад» (137,2 млн рублей).

— 21 сельскохозяйственный потребительский кооператив получил гранты на развитие материально-технической базы (574,9 млн рублей).

Благодаря этому будет создано не менее 216 рабочих мест.

— 18 начинающих сельскохозяйственных потребительских кооперативов получили гранты на развитие материально-технической базы (574,9 млн рублей). Это позволит открыть не менее 216 рабочих мест. [7]

Всего с 2015 года в агропромышленный комплекс региона было вложено 113,7 млрд рублей инвестиций, реализовано около 200 крупных бизнес-соглашений и создано около 10 тыс. новых рабочих мест.

Анализ вышеизложенных данных позволяет сделать вывод о высокой заинтересованности государства в развитии отраслей агропромышленного комплекса Краснодарского края, в том числе, с помощью привлечения инвестиционного кредитования, которое выступает на сегодняшний день в качестве важнейшего рычага развития внутреннего потенциала регионов.

Важно отметить, что привлечение инвестиций способствует также развитию интегрированных структур агропромышленного комплекса, их создание — единственный способ обеспечения паритета экономических отношений сельскохозяйственных товаропроизводителей, как фундамента всей экономики, со своими партнерами: предприятиями перерабатывающей промышленности, обслуживающей деятельности и сферы реализации. На территории Краснодарского края продолжает свое действие государственная программа Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». [1]

В рамках государственной программы с 2019 году осуществляется господдержка практически по тем же направлениям, что и в 2018 году, а также дополнительно с 2020 года будет оказываться государственная поддержка сельскохозяйственного страхования.

1. Подпрограмма «Развитие отраслей агропромышленного комплекса»:

- поддержание доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей, в том числе:

- субсидии на повышение продуктивности крупного рогатого скота молочного направления – 662,6 млн. руб.;
- субсидии на оказание несвязанной поддержки в области растениеводства – 370,6 млн. руб.

На содействие достижению целевых показателей («единую» субсидию) предусмотрено финансирование в объеме 2953,3 млн. руб. Единая субсидия включает в себя следующие направления господдержки: [7]

- субсидии сельскохозяйственным товаропроизводителям на:

- содержание товарного маточного поголовья крупного рогатого скота мясных пород – 60,1 млн. руб.,

- поддержку племенного животноводства – 213,3 млн. руб.,

• предоставление субсидии сельскохозяйственным товаропроизводителям на возмещение части затрат на приобретение племенного молодняка сельскохозяйственных животных (за исключением приобретенных по импорту) – 90,0 млн. руб.,

- возмещение части затрат на закладку и уход за виноградниками – 714,1 млн. руб.,

- возмещение части затрат на приобретение элитных семян – 101,8 млн. руб.,

- возмещение части затрат на закладку и уход за многолетними плодовыми и ягодными насаждениями – 602,1 млн. руб.,

- возмещение части затрат на услуги по подаче и отводу воды на посевах риса – 240,0 млн. руб.,

• предоставление субсидий сельскохозяйственным товаропроизводителям на возмещение части затрат на уплату страховой премии, начисленной по договору сельскохозяйственного страхования в области растениеводства – 334,5 млн. руб.,

• предоставление субсидий сельскохозяйственным товаропроизводителям на возмещение части затрат на уплату страховой премии, начисленной по договору сельскохозяйственного страхования в области животноводства – 5,0 млн. руб.

1) предоставление грантов:

- на поддержку одного начинающего фермера для разведения крупного рогатого скота мясного или молочного направлений, для ведения иных видов деятельности в области производства сельскохозяйственной продукции – 110,0 млн. руб.,

- на развитие семейных животноводческих ферм для разведения крупного рогатого скота мясного или молочного направлений, для ведения иных видов деятельности – 212,4 млн. руб.,

- на развитие материально-технической базы сельскохозяйственным потребительским кооперативам – 270,0 млн. руб. [8]

Кроме того, в рамках данной подпрограммы предусмотрены мероприятия, реализуемые за счет средств краевого бюджета:

- предоставление субсидий субъектам агропромышленного комплекса на развитие садоводства (возмещение части затрат на раскорчевку садов в возрасте не более 30 лет, установку шпалеры в садах интенсивного типа, приобретение систем капельного орошения садов, развитие инфраструктуры питомниководства, проведение селекционных мероприятий, техническое перевооружение, а также на приобретение и установку противорадовой сетки в садах интенсивного типа) – 7,8 млн. руб.

- предоставление грантов крестьянским (фермерским) хозяйствам, осуществляющим свою деятельность не менее 12 месяцев с даты регистрации, на закладку садов интенсивного типа с объемом финансирования – 101,2 млн. руб.,

- предоставление грантов начинающим сельскохозяйственным потребительским кооперативам на развитие материально-технической базы, осуществляющим свою деятельность не более 12 месяцев с даты регистрации в объеме – 152,2 млн. руб.,

- предоставление субсидии субъектам агропромышленного комплекса, обеспечивающим развитие чаеводства (возмещение части затрат на уход (включая омолаживающую обрезку) за чайными плантациями, приобретение систем капельного орошения чайных плантаций) – 26,6 млн. руб.,

- предоставление субвенций бюджетам муниципальных образований на осуществление отдельных государственных полномочий по поддержке сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае в части предоставления субсидий гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, крестьянским (фермерским) хозяйствам, индивидуальным предпринимателям, осуществляющим деятельность в области сельскохозяйственного производства – 487,5 млн. руб.,

2. Подпрограмма «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе» с объемом финансирования за счет средств федерального и краевого бюджетов – 787,4 млн. руб., в рамках которой предусмотрена реализация мероприятия – предоставление субсидий на возмещение части процентной ставки по инвестиционным кредитам (займам) в агропромышленном комплексе. [1]

3. Подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий»

В рамках данной подпрограммы предоставляется государственная поддержка в объеме – 309,7 млн. рублей,

- улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, предоставление социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, молодым семьям и молодым специалистам, проживающим в сельской местности – 94,8 млн. руб.;

- развитие социальной и инженерной инфраструктуры в сельской местности, входят мероприятия по развитию газо- и водоснабжения, фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врача общей практики, плоскостных спортивных сооружений – 156,7 млн. руб. [5]

4. Подпрограмма «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель в Краснодарском крае» – предусмотрен объем финансирования в объеме 179,0 млн. руб., в том числе 136,0 млн. рублей – федеральный бюджет, 43,0 млн. рублей – краевой бюджет, в рамках которой запланировано оказание господдержки в виде возмещения части затрат на строительство, реконструкцию и техническое перевооружение мелиоративных систем общего и индивидуального пользования и отдельно расположенных гидротехнических сооружений, принадлежащих

сельскохозяйственным товаропроизводителям на праве собственности или переданных им в пользование в установленном порядке. [4]

5. Подпрограмма «Развитие рыбохозяйственного комплекса Краснодарского края» – предусмотрено финансирование за счет средств краевого бюджета в объеме 30,5 млн. рублей, на предоставление субсидий в целях возмещения части затрат на производство рыбопосадочного материала и товарной рыбы, на добычу (вылов) водных биоресурсов и на производство товарно-пищевой рыбной продукции и на приобретение рыбоперерабатывающего оборудования.

Как видно, поддержка со стороны государства - это поддержка сельхозтоваропроизводителей всех форм хозяйствования, направленная на достижение социально-экономических целей: рост производства сельскохозяйственной продукции, повышение доходов сельского населения, создание новых постоянных рабочих мест, увеличение налоговых поступлений в бюджет. Государство стремится создать благоприятные условия для деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей путем предоставления им грантов и субсидий.

Библиографический список:

1. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы;

2. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации счета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gp.specagro.ru/site/index/day/1/month/11/year/2018/>

3. Крысанов А. В. Экономические проблемы формирования и функционирования интегрированных структур в АПК и сельском хозяйстве. // Экономика и социум: современные модели развития. Межвузовский сборник научных трудов (Выпуск 15, 2017). - С. 113–123 Агропромышленный портал АГРОХХИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://www.agroxxi.ru/stati/s-2018>

4. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации счета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mcx.ru/analytics/> Дата обращения: 09.11.2018

5. Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 № 996 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы».

6. А. В. Шевченко, А. Б. Бабанов. — Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2018 г.). — Казань : Молодой ученый, 2018. — С. 18-21. — URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/317/14654/> (дата обращения: 25.09.2020)

7. Справочник субсидий – Государственная программа Краснодарский край
<http://www.gp.specagro.ru/region/4052/2/17/9/2020>
8. <https://kuban24.tv/item/gospodderzhka-fermerov-i-selhozkooperativov-v-krasnodarskom-krae-komu-polozhena>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO HUMAN HEALTH

Alieva I. Zh.

PhD student of Karaganda state University.

Academician E. A. Buketov

Bazarova G.S.

Senior Lecturer,

Eurasian Humanitarian Institute

Keywords: health, security, right, international law, regulation, Control in international law, implementation

Introduction

In recent years, significant changes have taken place in international law with regard to the normative definition of the right to health, which includes both the protection of health and the state of health. These norms suggest that the right to health care be considered in the following specific structure, which raises a number of important issues such as inequality of treatment for receiving medical care, the quality of medical care, which is also intertwined with the concept of social justice and, naturally, the right to an attainable level of physical and mental health. Need to agree that the Republic of Kazakhstan, like other states at the moment of its development, is involved in globalization processes that affect the implementation of socio-economic policies, and this trend will continue. The governments of many states, of course, are forced to reckon with promising structural problems, changes in the internal and external conditions of development. And this objectively dictates the need to modernize social strategy. At the same time, it is typical for developed countries that, despite strong economic and political pressure, the updating of the paradigm of social development and social policy is taking place consistently and gradually, taking into account previous achievements and traditions, on the basis of politically productive and responsible principles of social balance and dialogue. All that is needed for new models is a combination of the principles of economic efficiency and social justice

[1]. This article examines the legal nature of the right to health protection and the features of this right in international legal acts. The specifics of the right to health protection, mechanisms for ensuring it, the Treaty obligations of States parties in the framework of accession to international instruments, and issues of monitoring the performance of obligations are illustrated in this article.

Methods and materials

The study used logical and legal, systemic, structural, historical, as well as special legal methods for interpreting legal norms.

Results

The main strategic tasks of the Republic of Kazakhstan and the priorities of the development of our society are the systematic and qualitative improvement of the human standard of living, the phased development of the social sphere. At the same time, the implementation of the main directions of state policy in

the social sphere should be carried out on the basis of a scientifically reasoned constitutional and legal concept of social statehood.

In modern conditions, the Republic of Kazakhstan has formed a rather progressive regulatory framework for the protection of the right to health, which have been formed taking into account international human rights standards. At this stage of its development, the Republic of Kazakhstan is an active member of the international community, which imposes certain obligations to comply with international standards in the field of health care. At a time when the basic standards of the right to health care in the world are rapidly developing in accordance with international law, its regulatory clarification in national law is of important conceptual and practical importance for the formation of state policy in the field of health, which determines the relevance of research in the field of influence and implementation of international norms in the national legislation of the states and the obligations of the state arising in connection with this to ensure this right. In the framework of the study, international legal acts regulating the right to health protection were analyzed (the Universal Declaration of Human Rights, the Covenant on Economic, Social and Cultural Rights,) the WHO Constitution and other international legal documents.

Discussion

The problems of the right to health and compliance with international obligations to ensure and protect the right to health were mainly considered in the context of the protection of social human rights, which influenced the conduct of holistic research in this area. The issues of protecting civil rights, primarily in the framework of the constitutional and legal aspect in the Republic of Kazakhstan, were carried out in the dissertation of A.N. Sagindykova back in 1999, during which the main problems that existed at that time in the Republic of Kazakhstan were raised. It should be noted that some of the issues raised in this dissertation, such as the right of citizens to environmental, sanitary and epidemiological well-being and radiation safety, the right of citizens in the field of medical insurance, the right of citizens to information about their health status and factors affecting health, still have a place to be relevant in the Republic of Kazakhstan. Questions concerning the unification of national legislation with international standards in the field of social rights and specifically in the field of the right to health protection

were not the objects of integral scientific research of Kazakh scientists.

On this issue, the research of Russian scientists, who highlight this legal problem as one of the most pressing issues of our time, deserves attention. Thus, A. L. Vorontsov and E. V. Vorontsova in their scientific research «distinguish international legal cooperation as an independent mechanism for implementing the right to health protection, aimed primarily at ensuring the positive obligations of States that they have assumed as obligations under international agreements»[2]. Also noteworthy from the research is the author's abstract of Barteneva D. G. devoted to the issues of regulation of the right to health protection by the norms of international law. Particular attention is paid to non-judicial international mechanisms for protecting the right to health care [3]. Based on the research of other scientists, Paschenko deduces the issues of implementing the human right to health protection and medical care from the category of personal problems to the category of problems of the state and civil society[4].

According to international law, the «right to health protection» is considered more broadly than in the constitutional norms or specialized legislation of the state. As already noted, the right to health protection is closely intertwined with the concept of a decent standard of living, linking the right to health protection with social policies implemented at the level of the national state. This provision allows the right to health protection to be considered together with social relations and distinguishes this category of right from a purely biological category to a broader one, which is related to the implementation of the social function of the state. The first concept of the right to health in accordance with international law was recognized in the universal Declaration of human rights of 1948 (hereinafter - the Declaration), which was unanimously proclaimed by the UN General Assembly as a common standard for all mankind. The Declaration enshrines the right to «a standard of living sufficient for the health and well-being of himself and his family, including medical care, etc., the right to safety in case of illness, disability, or lack of livelihood in circumstances beyond control from him»[5]. As we can see, the Declaration does not define the right to health separately - as a necessary component of human rights, but rather highlights as a standard of human rights the standard of living necessary for health and the possibility of receiving medical care. These two concepts in their semantic content go beyond the scope of medical care. According to their legal properties, the norms of the Universal Declaration of Human Rights, while not being legally enforceable, but nevertheless led to a universal understanding of human rights. Based on international acts, we can say that violation or insufficient attention to human rights can seriously affect human health (inhumane degrading person, cruel treatment, violence, torture, poor living conditions, lack of information, lack of medical services).

- Respect, protection and observance of human rights can reduce the vulnerability and impact of ill health (health, nutrition, standard of living and

education, adequate environmental and working conditions).

- The health system can promote or violate human rights in the form in which it is designed and implemented (access to services, provision of information, respect for the integrity and privacy, cultural sensitivity, gender and age sensitivity).

In international law, the right to health is reflected for the first time as a separate category of rights in the Covenant on economic, social and cultural rights (ICESCR) Article 12 of the ICESCR clearly establishes the right to health and defines the steps that States must take to «progressively realize» the «maximum available resources» of the «highest attainable standard of health», including «reducing stillbirth and infant mortality and for the healthy development of the child»; «Improving all aspects of environmental and industrial hygiene»;

«Prevention, treatment and control of epidemic, endemic, occupational and other diseases»; and «creating conditions that would ensure all medical care and medical assistance in the event of illness»[6]. Progressive international norms in securing the right of citizens to health protection have taken a rather liberal approach to the obligations of States to ensure the implementation of this right. The very concept of ensuring the right to health care, taking into account the «maximum available resources», is aimed at realizing this right taking into account the economic development of a particular state, which has become the basis for the formation of different standards at various levels of the socio-economic system. This norm, of course, reduces the absoluteness of this right, which implies the existence of different understandings in the national legislation of states. In addition to the ICESCR, the right to health is detailed in the Charter of the World Health Organization. This document, also based on the concept of «the highest attainable standard» of health, assumes the implementation of this right, provided on the principle of reasonableness. In this case, the place of the state is determined as a regulator in equalizing the social situation with regard to health. The reasonableness of this norm can be justified by the factor that the achievements of science in the field of healthcare, the development of the level of medical services, the demographic, epidemiological and economic situation are beyond the control of the state. However, there are factors that are beyond the control of the state. But one thing can be said that a wide range of international and regional acts recognize health as fundamental human rights, while international standards go far beyond healthcare. A review of international documents, including those that explain and interpret international norms, shows that the right to health includes state activities aimed at creating conditions for providing drinking water, adequate sanitation, and adequate nutrition, which obliges States to adhere to certain standards that cover the social dimension. In order to protect human rights in emergencies, the Syracuse principles were adopted by the United Nations Economic and Social Council in 1984. The need to adopt the Syracuse principles arose from the need to define minimum standards of

fundamental rights in the context of restrictions and derogations from the provisions of the international Covenant on civil and political rights. The Syracuse principles, in particular, state that restrictions must be at least:

- provided for and implemented in accordance with the law;
- aimed at achieving a legitimate goal of common interest;
- the state that imposes restrictions must demonstrate that these restrictions do not interfere with the democratic functioning of society;
- based on scientific evidence and not arbitrary and non-discriminatory in application;
- protecting freedom of expression and ensuring access to important information[7].

Under international human rights law, governments are required to protect the right to freedom of expression, including the right to seek, receive and impart information of any kind, regardless of borders. The above-mentioned permissible restrictions on freedom of expression for reasons of public health cannot jeopardize the right itself. In international law, States that are parties to various treaties undertake tripartite obligations: (1) to respect the right to health by refraining from direct violations, such as systemic discrimination in the health system; (2) to protect the right from interference by third parties through measures such as environmental regulation of third parties; and (3) creating conditions for the realization of this right by taking systematic measures aimed at ensuring universal access to medical care, as well as preconditions for health[8], therefore, agreeing with the opinion of Alicia Eli Yamin, it is necessary to say that it is wrong to think about the right to health in terms of a package of medical services, and even a package of services that goes beyond medical care. But it should be considered as a complex of international and national obligations, on the basis of which the state's socio-economic policy should be built[9]. In regulating the protection of the right to health, who's legal tools are becoming important, as who is the main global intergovernmental health body. In fact, the opportunities for WHO to adopt such tools are significant. The WHO Constitution provides for the adoption of three different types of instruments aimed at ensuring law: conventions, rules and recommendations, which can be found in Articles 19, 21 and 23 [10]. WHO has committed itself to mainstreaming human rights in health programs and policies at the national and regional levels, considering the fundamental determinants of health as part of an integrated approach to health and human rights. WHO was the first organization to establish the right to health. The preamble to the WHO Constitution defines the concept of «health» and recognizes health as a right which is a state of complete physical, mental and social well-being, and not just the absence of diseases and physical defects[10]. In relation to the right to health, the preamble refers to the link between health problems and unequal development in different countries, the importance of healthy child development and the importance of informed opinion and active public

cooperation: concepts that are still relevant today. The adoption of the right to health by who was a breakthrough in international health and human rights law and provided an important starting point for the further development of the right to health in human rights instruments. In 1978, two United Nations organizations, the world health organization and UNICEF, held a joint conference in Almaty in the Soviet Union, where health was described as a human right to which all people are entitled. The goal of achieving health for all by the end of the century has been achieved. At this conference, the Alma-Ata Declaration on Primary Health Care was adopted. It was approved on September 12, 1978 and inspired next generations of health activists. This has become a common platform for meetings where like-minded public health can compare and discuss strategy and relate their discussion to a common document. The slogan «Health for All by the Year 2000», although not achieved, was a united appeal to progressive health workers and activists. The Declaration also inspired the global movement for human health and the two world health assemblies. The concept of «primary health care» is critical to improving the health systems of many countries, and although its meaning is interpreted in different ways, the pursuit of the ideal of integrated primary health care continues to motivate health workers around the world who want to provide a more people-oriented, responsive and effective health system for their community and country.

Thus, the Alma-Ata Declaration is a very remarkable document and had an impact that few had before or after. The right to health protection as one of the key human rights is recognized in other documents that form the norms of international law. Article 5 (e) (iv) of the International Convention on the elimination of all forms of racial discrimination of 1965, in articles 11.1 (f) and 12 of the Convention on the elimination of all forms of discrimination against women of 1979, and article 24 of the Convention on the rights of the child of 1989. Acts of regional organizations have played a significant role in shaping international standards of socio-economic human rights. The flagship in this area can be considered the documents adopted by the European Union. The idea of a «European Union health policy» has always been somewhat paradoxical. On the one hand, the norms of the founding treaties of the European Union at the initial stage of formation did not provide for any articles that would specifically enshrine the right to health protection, giving priority to the national mechanism of legal regulation. The lack of legal regulation of relations in the field of health care was compensated by the norms that set out the obligations of States in the sphere of ensuring socio-economic rights and securing these rights for all EU citizens. Of course, this situation has created a discrepancy in the regulatory framework and in the level and quality of ensuring the right to health protection. Despite the absence of a norm regulating the implementation of health rights in the fundamental treaties of the 1950s, health issues are reflected in the provisions regulating the EU's competence in the field of health. Among the acts of the European Union an

important place is occupied by the European Social Charter of 1961, as amended (Article 11), which sets forth the basic obligations of the contracting parties to ensure the «effective exercise of the right to health care»[11].

In the Eurasian space, the procedure for regulating and ensuring socio-economic rights, including the right to health protection, is based on CIS regulations. Such documents include the Convention of the Commonwealth of Independent States on Human Rights and Fundamental Freedoms of May 26, 1995 (Minsk). Analysis of international legal documents shows that international law in the field of health combines international standard-setting instruments adopted within the framework of who activities and in accordance with international human rights law. It should be noted that, at the same time, international legal norms and other (optional) standards related to health are enshrined in a number of norms of other branches of international law. Thus, some provisions of the right to health protection are reflected in international humanitarian and environmental law, in the field of medical ethics and the rights of patients. In addition, some international legal instruments have an indirect impact on health, such as the world trade organization (WTO) agreement on trade-related intellectual property rights (trips).

As we understand it, the value of each legal norm that enshrines human rights and freedoms lies in the possibility of its implementation and protection, which also applies to the right to health protection. The practice of international activity is highlighted by some mechanisms aimed at observing and implementing the norms of international law. Such mechanisms include control mechanisms for monitoring the state of human rights.

Control in international law is one of the most important institutions aimed at ensuring human rights. Control, its forms and methods, both in the past and present, and in the future, is a constantly evolving process. Valeev R. M. International legal practice as indicated by Valeev identifies the following methods and methods of control: exchange of information, consultations on the implementation of international obligations, reports, reports, observations, international inspections and investigations, judicial and arbitration control [12].

The analysis of the methods of international control and the legal consequences arising from its results indicate different levels, degrees and intensity of the control subjects performing this control and procedural activity.

f the exchange of information, consultation, reporting, reports, monitoring, as control methods are applied, usually in the early stages of control, and control mostly ends with recommendations, suggestions objects control the elimination of revealed violations, the international inspection, investigations, addressing violations of international obligations by international judicial institutions can cause a state responsibility. n fact, the results of control activities, regardless of the method of control, can always entail the responsibility of the state if violations of Treaty

obligations are detected during the audit. But the degree and nature of the verification activity and the consequences that may arise after verification of the fulfillment of international obligations by judicial institutions, as well as the results of inspections or investigations, are of a different nature - up to the adoption of collective measures against the violating state or the transfer of materials to the Security Council. Such a classification is conditional, since each of the control methods can be combined with each other, supplement or precede the other. Thus, we can conclude that international control is a rather multifaceted institution of international law.

Article 12 of the ICESCR recognizes the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health (often referred to simply as the right to health). This norm also sets out the obligations of States parties to take steps to achieve the full realization of the right to health by, for example, ensuring the health of infants and children, improving environmental conditions and safety at work, preventing epidemics and occupational diseases, and ensuring health for all. Under article 12, States parties are required to respect, protect and fulfil the right to health, including the right to medical care and the fundamental determinants of health, such as nutritious food, drinking water and safe housing, by taking concrete and targeted measures.

Fulfilling these obligations requires complex processes and efforts on the part of the state. For example, the state is required to implement a non-discriminatory and effective health system; that it guarantees the availability and availability of clean water and essential medicines; and much more [13]. Many state actors are involved in the implementation of these processes. From the point of view of the right to health protection, these subjects are the bearers of responsibilities. Oversight and monitoring of the actions of these actors in relation to their responsibilities is important. Thus, these responsible entities can be held accountable if they fail to meet their respective obligations and responsibilities or abuse their authority. Accountability is an important component in the realization of the right to health, and accountability mechanisms play a crucial role in the oversight process needed to strengthen the realization of this right. When monitoring or monitoring compliance with the right to health by States parties, the complexity is a blurring of the concept, because scientists have rightly criticized that it is inaccurate, only gradually implemented and often unworkable. There is therefore an urgent need to examine the possibilities and limitations of the right to health in this context.

Accountability is a key component of ensuring human rights, including the right to health. In General Comment No. 9 on the domestic application of the Covenant, the UN Committee on economic, social and cultural rights, the body responsible for monitoring the implementation of the Covenant, stressed that the Central obligation of States parties to the ICESCR is to ensure that the rights recognized in the instruments are fulfilled. Although the ICESCR applies a flexible

approach that allows governments to take into account the particularities of their legal and administrative systems, States must nevertheless use all means at their disposal to implement the rights recognized in the Covenant.

Accountability is crucial to ensuring that States parties meet their obligations under the Covenant. There are various accountability mechanisms, including judicial, quasi-judicial, administrative, political and social mechanisms. While the forms of monitoring mechanisms may differ in ensuring human rights, the purpose of each mechanism is to ensure that any state is responsible for its actions or omissions in relation to the right to health and that rights holders have effective remedies for violations of their rights. There are a number of potential remedies for violations of the right to health, which include restitution, compensation and rehabilitation aimed at addressing the consequences of rights violations for individual rights holders or groups of rights holders. Enforcement of rights and organizational and legal guarantees are means of protection aimed at eliminating violations of rights at the system level.

It is important to note that «accountability» is sometimes understood as guilt and punishment, while it is more accurately considered as a process of determining which norms are applied (so that it can be recommended to others) and which norms do not apply (in order to adjust and increase the effectiveness of the application of norms in states[14]. In this sense, the responsibility to respect human rights also depends on the participation of citizens and social groups in all decision-making processes related to health. In this case, the state ensures the participation of citizens through the establishment of accountability mechanisms and effective remedies. In addition, individuals and groups have the right to participate constructively in the design and development of health policies, as well as in monitoring and evaluating the implementation of these policies. In order to enable public participation in compliance monitoring processes, the state should establish fair and transparent processes that are accessible and cover different groups. Methods of participation vary, but may include regional or national conferences, local health committees, focus groups, budget oversight, and public meetings. Effective monitoring and evaluation by the government, civil society and rights holders also requires transparency. Governments are required to provide information to the public about their efforts to realize the right to health.

The main body that monitors the observance of human rights is the UN. The implementation of human rights by States parties is monitored by UN committees (Treaty bodies) that are linked to the six main conventions (CCPR, CESCR, CERD, CEDAW, CAT, CRC). Committees develop interpretations, set standards, monitor compliance, promote compliance, and investigate human rights violations. The Commission on human rights plays an important role in enhancing compliance with Treaty obligations by States parties. The main monitoring mechanism is the appointment of special rapporteurs, independent

experts, and groups to monitor and report on thematic human rights issues or on regions and countries.

The UN human rights Committee is a body of independent experts that monitors the implementation of the International Covenant on civil and political rights by States parties. All States parties are required to report regularly to the Committee on how rights are being implemented. The state must submit an initial report one year after becoming a party to the Covenant, and then at the request of the Committee (usually every four years). The Committee examines each report and presents its views and recommendations to the state party in the form of «concluding observations».

The Committee on economic, social and cultural rights (CESCR) is a body of independent experts that monitors the implementation of the International Covenant on economic, social and cultural rights by States parties. The Committee was established in accordance with ECOSOC resolution 1985/17 of 28 May 1985 to perform the monitoring functions assigned to the United Nations Economic and social Council (ECOSOC) in part IV of the Covenant. All States parties are required to submit regular reports to the Committee on the implementation of the relevant rights. States must submit an initial report within two years of becoming parties to the Covenant and every five years thereafter. The Committee examines each report and submits its views and recommendations to the state party in the form of «concluding observations». In addition to the reporting procedure, the optional Protocol to the International Covenant on economic, social and cultural rights, which entered into force on 5 March 2013, empowers the Committee to receive and consider communications from individuals claiming that their rights under the Covenant have been violated. In certain circumstances, the Committee may also investigate gross or systematic violations of economic, social and cultural rights set forth in the Covenant and consider inter-state complaints. Monitoring the implementation of obligations related to economic, social and cultural rights ensures that the following results are achieved:

- identifies which state obligations are being met and which are not being met;
- monitoring identifies the sources and nature of violations, as well as problems in the implementation of economic, social and cultural rights.
- based on the monitoring findings, priorities for further actions are determined and suggestions are made for where resources can be allocated.
- the Committee can support legislative advocacy and policy development, as well as public awareness campaigns.

In 2000, the Committee on economic, social and cultural rights issued General Comment 14 (Twenty-second session, 2000) [15] explaining the three obligations of States with regard to the right to health: respect, protect, and execute. These obligations are ensured by the accountability of States to international human rights institutions. State accountability is a key component of human rights, including the right to health. In General Comment No. 9 on the domestic application of the Covenant, the UN Committee on

economic, social and cultural rights, the body responsible for monitoring the implementation of the Covenant, stressed that the Central obligation of States parties to the ICESCR is to ensure that The rights recognized in the Covenant are fulfilled[16]. While the ICESCR applies a flexible approach that allows governments to take into account the particularities of their legal and administrative systems, governments should nevertheless use all means at their disposal to implement the rights recognized in the act. As practice shows, including the right to health in a state Constitution or Statute may not even be necessary for citizens to make a right to health claim against state health policy. In the absence of a clearly expressed national right to health protection, citizens turn to international legal documents or claims based on the national right to life, dignity or integrity of the person. As a result, legal claims challenging priority setting pose a challenge to governments engaged in clear priority setting, regardless of whether the right to health has been included in the national Constitution. Health is a fundamental human right necessary for the enjoyment of other human rights. Everyone has the right to the highest attainable standard of health that contributes to a decent life. The right to health can be realized through many complementary approaches, such as the development of health policies or the implementation of health programmes developed by the world health organization (who), or the adoption of specific legal instruments. In addition, the right to health includes certain components that are legally binding. As part of the comprehensive implementation of the right to health protection in the framework of CIS activities, the inter – parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States developed recommendations «on the approximation of the legislation of the CIS member States in the field of health protection». Of course, in contrast to reports and consideration of complaints about non-compliance with human rights, recommendations are less effective, but still model legislation is a guide for the formation of national legislation in the field of protection of the right to health.

In 2018, the permanent commissions of the IPA CIS held 20 scheduled meetings, including one visiting session in Yerevan. Scheduled meetings of the joint Commission under the IPA CIS on harmonization of legislation in the field of security and countering new challenges and threats, the Expert Council on health under the IPA CIS, the Expert Council under the Standing Commission of the IPA CIS on legal issues were also held [17]. Within the framework of CIS activities in the field of ensuring the right to health protection, draft model laws were prepared «on ensuring the rights of children to health protection in the CIS member States», «on psychiatric care and guarantees of citizens 'rights in its provision», «on organ donation», «on access to information about the legal status of citizens»[17].

The analysis of international acts and international practice shows that the implementation and protection of the right to health protection enshrined in international acts reveals a number of problems. These

problems are acute in the context of the COVID-19 pandemic.

Recent events in the context of the COVID-19 virus outbreak have shown that there are certain problems in implementing the right to health protection worldwide. On March 6, 2020, the UN panel of experts on human rights stated that «emergency statements based on the COVID-19 outbreak, which stated that «should not be used as a basis for targeting specific groups, minorities or individuals. It should not serve as a cover for repressive actions under the guise of protecting health. It should not be used simply to suppress dissent»[18]. Governments are responsible for providing the information necessary to protect and promote rights, including the right to health. The Committee on Economic, Social and Cultural Rights considers the provision of «education and access to information regarding the main public health problems in society, including methods for preventing and combating them,» as the «main obligation». The COVID-19 compliance response must ensure that accurate and up-to-date information about the virus, access to services, service failures, and other aspects of the outbreak response is available and accessible.

As with all international human rights, the implementation and enforcement of the right to health depend crucially on legislative and judicial action at the national level. More than 70 national constitutions recognize the right to health, and many more countries legislate on various aspects of the right to health. In addition, the recent clarification of regulatory obligations has allowed more attention to be paid to potential violations of the right to health under the Treaty. Monitoring committees in their «concluding observations» - or decisions on compliance by States - as well as in implementation by quasi-judicial international institutions and national courts in specific cases.

Bibliography:

1.1. G.Belova, G.Bazarova International-legal regulation of socio-economic policy issues in the CIS// Серия «Право». № 2(78)/2015.

2. Воронцов А.Л. Воронцова Е.В. Международно-правовое взаимодействие государств в области охраны здоровья: анализ современной практики//

3. Бартнев Д.Г. Право на охрану здоровья в международном праве (автореферат)// <https://www.dissercat.com/content/pravo-na-okhranu-zdorovya-v-mezhdunarodnom-prave/>
<https://www.dissercat.com/content/pravo-na-okhranu-zdorovya-v-mezhdunarodnom-prave/>

4. Пащенко И.Ю. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в системе социальных прав человека и гражданина//Наука. Мысль: электронный периодический журнал-2016. -№ 10. – С.153

5. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А

(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года//https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года// https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
7. Сиракузские Принципы Толкования Ограничений и Отступлений от Положений Международного Пакта о Гражданских и Политических Правах (1985)// <http://health-rights.org>
8. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Общий комментарий 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья. Женева, Швейцария: Организация Объединенных Наций: 2000. Документ ООН.: [http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/\(symbol\)/EC12.2000.4.En?OpenDocument](http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/(symbol)/EC12.2000.4.En?OpenDocument). Доступ 26 апреля 2005 г//
9. Alicia E.Y. The Right to Health under International Law and Its Relevance to the United States// <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/>
10. УСТАВ (КОНСТИТУЦИЯ) ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ// https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf
11. Европейская Социальная Хартия (пересмотренная) Страсбург, 3 мая 1996 <https://www.coe.int/ru/web/moscow/evropejskaa-social-naa-hartia>
12. Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.10 - Международное право - Казань, 1999. - 41 с.
13. CESCR, Замечание общего порядка № 9, Внутреннее применение Пакта, док. E / C.12 / 1998/24 (1998), пункт. 1.
14. Koplan JP, Bond TC, Merson MH, Reddy KS, Rodriguez MN, Sewankambo NK, Wasserheit JN. Towards a common definition of global health. *Lancet* 2009; 373(9679):1993-1995.
15. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (CESCR), Замечание общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Пакта), 11 августа 2000 г., E / C.12 / 2000/4 доступно по адресу: <https://www.refworld.org/docid/4538838d0.html> [по состоянию на 16 апреля 2020 года]
16. COMPILATION OF GENERAL COMMENTS AND GENERAL RECOMMENDATIONS ADOPTED BY HUMAN RIGHTS TREATY BODIES. Note by the Secretariat// <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/Pages/>
17. Информация об итогах деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в 2018 году// https://iacis.ru/pressroom/news/sovets_mpa_sng/
18. United Nations. Protecting human rights amid COVID-19 crisis. <https://www.un.org/ru/coronavirus/protecting-human-rights-amid-covid-19-crisis>

Editor in Chief – Ivaschuk G. O., Doctor of Technical Sciences, Kiev Institute of Technology, Kiev, Ukraine

Assistant Editor – Stepanenko O.I., Doctor of Physical Sciences, Ternopol National Technical University, Ternopol, Ukraine

- Alfred Merphi - Doctor of Economics, University of Chicago, Chicago, United States
- Yen Lee - MD, wellness center «You Kang», Sanya, China
- Avital Gurvic - Doctor of Education, University of Haifa, Haifa, Israel
- George Perry - Doctor of Chemistry, Columbia College, New York, USA
- Isa Wright - Doctor of Sociology, Moraine Valley Community College, Chicago, USA
- Jessie Simmons - Doctor of Engineering Sciences, San Diego State University, San Diego, USA
- Nelson Flores - Doctor of Philology, Wheelock College, Boston, USA
- Andrey Chigrintsev - Doctor of Geographical Sciences, University of South Carolina, Columbia, United States
- Oleg Krivtsov - Doctor of History, National Museum of Natural History, Washington, USA
- Angelina Pavlovna Alushteva - Candidate of Technical Sciences, Institute of Computer Systems and Information Security (ICSiIS), Krasnodar, Russian Federation
- Elena Dmitrevna Lapenko - Candidate of Law, Institute of Law, Volgograd, Russian Federation
- Aleksandr Ole - Doctor of Biological Chemistry, University of Stavanger, Stavanger, Norway
- Emily Wells - Doctor of Psychological Sciences, Coventry University, Coventry, England
- Leon Mendes - Doctor of Pharmaceutical Sciences, Universitat de Barcelona, Spain
- Martin Lenc - Doctor of Economics, Uni Köln, Germany
- Adel Barkova - Doctor of Political Sciences, Univerzita Karlova v Praze, Prague, Czech Republic
- Vidya Bhatt - Candidate of Medical Science, University of Delhi, New Delhi, India
- Agachi Lundzhil - Doctor of Law, The North-West University, Potchefstroom, South Africa
- Musaev Odil Rakhmatovich – prof. Department of Theory and Practice of Democratic State Building of the National University of Uzbekistan

Layout man: Mark O'Donovan
Layout: Catherine Johnson

Consulting group "Education and Science"
Ukraine, Kiev, Peremogi, 56/1, office 115
Web-site: <https://american-issue.info>
E-mail: info@american-issue.com

Copies: 1000 copies.
Ukraine, Kiev, Peremogi, 56/1, office 115